

18+

КАКОГО РОДА БАБА АГЯ

по следам славянских богов
сборник историй в жанре славянского фэнтези

КОСМИЧЕСКИЙ

АВТОР

"Космический автор"

Какого рода Баба Яга.

По следам славянских богов

<https://litres.ru/74275123>

ISBN 9785007047784

Аннотация

Этот сборник — итог писательской игры, посвященной веселому исследованию родословной легендарной Бабы-яги. Эпатажная героиня со сложной судьбой предстает здесь в калейдоскопе мифов и смелых трактовок. Вы узнаете новые грани той, что живет на границе миров, знает язык зверей и хранит ключи от древних тайн.

Рассказы написаны в разных стилях, но всегда с позитивным настроением и добрым финалом.

Оживший фольклор и новые детали классических образов — всё для нескучного времяпрепровождения.

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	32
Одна из...	36
Глава 1. Водокрес	36
Глава 2. Дар Болотника	42
Глава 3. Семья	46
Глава 4. Навь Тёмная и Светлая	54
Глава 5. Они с нами	63
Эпилог	68
Страшные сказки Тота Баюновича	70
Про Ивана-царевича	70
Дух	80
Макоши каменная фигурка	92
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Какого рода Баба Яга По следам славянских богов

"Космический автор"

Редактор Наталья Ильченко

Дизайнер обложки Наталья Ильченко

Редактор Янина Можейко

Редактор-составитель Редакция "Космического автора"

© "Космический автор", 2026

© Наталья Ильченко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4778-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Наталья Ильченко

и Ирина Кузьмич

Дорогой читатель! Вы держите в руках сборник увлекательных историй, созданных участниками одного писательского сообщества.

Есть в этом сообществе любимая игра — Текстовый Баттл. Выбирается тема, участники представляют себя героями, буквально перевоплощаясь в них, и отправляются в путешествие. Они не знают: ни где оно начнется, ни какие будут повороты сюжета и окончание. Они пишут свои истории, следуя за движением ведущих. Поэтому некоторые из представленных в сборнике рассказов могут пересекаться, иметь схожие элементы, не теряя при этом авторской уникальности.

Итак, это тот самый путь, проложенный ведущими.

Представьте: вы пришли в музей со славянскими артефактами, но зайдя в очередной зал, оказываетесь в избушке бабы Яги! А потом дверь куда-то исчезает сама собой (интерактив, блин!), и выход только в темный лес — да-да, тот самый, к которому избуш-

ка обычно передом повернута... Вы обнаруживаете в своей руке клубочек, а себя — накормленными поминальными блинами и одетым в славянскую рубаху, чтобы русским духом не смущать местных.

Знакомьтесь с нашими экскурсантами:

Янина Можейко, Ольга Иванюк, Ольга Семенюк, Ольга Руйминова, Нина Позубенко, Наталья Ковалёва, Марина Ефремова, Екатерина Сакирко, Екатерина Радуга, Галина Благий, Татьяна Рогова, Татьяна Макеева, Анна Корягова

Глава 1

— Меня зовут Лада Велесова*****, доцент кафедры славянских обычаев и разговоров по душам на аутентичных языках. Просим вас выключить мобильные устройства или перевести их в авиарежим — экспонаты подлинные, и электромагнитные волны могут на них повлиять, — молодая женщина выразительно поправила платочек, затейливо повязанный на голове «солохой», орнамент на ее платье на миг вспыхнул золотом. — Так вот ...до нашего времени дошли невероятно скудные сведения о вымышленных существах мифологии славян. А те, что дошли, путаются, переплетаются между собой и противоречат друг другу.

Мягкий свет очерчивал экспонаты: блюдечко с голубой каемочкой подмигивало керамическим блеском, наливное яблочко аккуратно лежало на боку; на черном коробе красовалась надпись «Перо Жар-Птицы» и просьба надевать защитные очки, смотреть только с разрешения и в присутствии экскурсовода. — Первая часть нашей экскурсии — фильм, созданный с применением дополненной реальности для погружения вас в атмосферу музея.

Прямо в середине зала появился пенёк, а на нем старичок, который представился Домовым Семёнычем. Он хитренько оглядел присутствующих и словно запел историю, сопровождаемую объемными картинками возникающими и исче-

зающими повсюду: — Проходите, други! Не знаем, пустят ли нас с вами, таких дерзких, в мир Правы, но в Яви и Нави* — побываем точно.

Да не бойтесь!

Не было у этих миров четких границ-заборов. Точнее, были они не на физическом плане, а... у нас пусть будут виртуальными.

Вот и Яга у нас из Костяной ноги превратилась в Ягиню — не то девочку из людей, удочеренную Макошью**, не то дочь самого Вия, в Нави правящего.

И жила красавица в междумирье в избушке на курьих ножках. Или не куриных, а огненных, которые переходы в миры охраняли, или (по другим версиям) этими переходами и являлись.

Да, потому поворачиваться та избушка могла!

И войдя в нее со стороны мира здешнего — Яви — можно было выйти в лесную чащу мира потустороннего.

Но не только порталом заведовала прекрасная Яга, она же Баба Йога, Ягуня, Ягинишна, Ага Ягинишна, Йога или ласково — Йожка.

Звали ее еще Матушкой. Ходила она в золотых сапожках по миру (многие народы почитали Золотую Бабу в этой ипостаси), собирала сироток и посвящала в Жрецы и Жрицы великих богов.

Как?

На лопату сажала — и в печь.

Был такой обряд «припекания младенца» — для здоровья — слабеньких и больных деток отправляли в истопленную печь. Ненадолго, и без огня, и понятно, не для еды, как в современных сказках про страшную кривую Бабку Ёжку рассказывают.

Определенные слова во время ритуала произносили, отсчитывая таким образом время (даже полминуты не проходило!).

Целительницей и ведуньей была Ягиня, доброй к честным и смелым, суровой и жестокой к недоброму люду.

Сердце ее свободно было, пока не встретила она Велеса***, который не в лучшие свои времена между мирами бродил. Не сразу поняла, что это ее судьба.

По преданию недолго были счастливы возлюбленные — погубили Ягиню, а чтобы оживить ее, Велес отдал свою жизнь, и как пообещал Сарог****, встречаются они в следующих жизнях, но в других телах и обличьях, и всегда узнают друг друга по любви, которая вспыхивает между ними.

До нас Ягиня дошла трансформировавшаяся в старуху с костяной ногой, но испытания ее, которые она чинит всем, кто ее встречает, — скорее урок и помощь.

Кстати, за стремительные полеты на огненной ступе еще одно прозвище у Ягини есть — Буря-Яга.

Будет в экскурсии вашей и ступа, и другие символы Яги: яблочко наливное на тарелочке, клубочек, путь указующий, Филин мудрый, черный Кот — фамильяр***** всех ведьм

К концу фильма в зале откуда-то из-за стеллажей с коллекцией тотемов Перуна появилась миловидная высокая де-вушка, которая быстро процокала на каблучках в сторону коллеги. Она сделала приглашающий жест рукой:

— Я — Диана Лисицина*****, доктор фольклорных наук, специалист по артефактам, славянским языкам и магическим животным. Просим пройти в следующий зал. Здесь вы можете наблюдать редчайшие письменные экспонаты датского историка Саксона Грамматика, издание словенских вед, а также Книги Велеса...

Среди экскурсантов прокатился восхищенный ропот...

— Да-да, книга признана фальсификацией, но это не помешало части её исчезнуть из Брюсселя по приказу самого Гитлера, и вот у нас по счастью есть несколько страниц... — секундная заминка, и Лисицина указала на витрину аккуратно уложенными листами, на одном из них красовалось: «ВЕДА СЛОВЕНАХЪ. Книга друга. С-ПЕТЕРБУРГЪ. 1881.» — В славянских ведах есть абсолютно всё — боги и культура разных народов мира: Вишну, Орфей, македоняне, Филипп II и Александр II, Троянская Война... Это огромный труд! Если германская «песнь о Нибелунгах» состояла из 9600 строк, то два тома славянских вед включали в себя более 24000 строк...

Диана говорила, а сама то краснела, то бледнела, а на молчаливый вопрос Лады одними глазами указала на пустую витрину с книгой Велеса.

— А мы продолжим нашу экскурсию в следующем зале!

— неожиданно громко объявила Велесова и несколько раз поправила «рожки» на платочке. — Прошу вас проследовать вперед!

Пропуская группу вперед, Лада, словно фокусник, изъела из кармана крошечный пузырек с какой-то жидкостью и сунула его Диане, нервно трепавшей меховую оторочку воротника жакета. Та глотнула из пузырька и одними губами сказала:

— Её украли! Книга Велеса — ЕЁ НЕТ!!

Лада ласково улыбнулась и успокаивающе похлопала по плечу по руке, заметив заинтересованно-тревожные взгляды некоторых экскурсантов:

— Конечно! Конечно, мы тоже идем в следующий зал и вместе с нашими экскурсантами отправимся в дремучий лес!..

Посетители уже приостановились возле бревенчатой стены с покосившейся дверью посередине.

— Это интерактив такой? — спросила молодая пухленькая девушка со вздернутым носиком.

— Он самый, милая, он самый, — и Лада мягко подтолкнула группу войти.

Первые вошедшие уже восторгались, проверяя на подлинность бревенчатый сруб и печь:

— Какая шикарная инсталляция! Как настоящая избушка!..

— Даже печка теплая!.. — поддакнул кто-то.

Вдруг из-за стола, на котором оказались дымящиеся блины, поднялась красивая молодая женщина в ярком сарафане и кокошнике...

Примечание

* Правь, Явь, Навь

Явь или реальный мир — представляет собой всё, что происходит с человеком с момента его рождения и до последнего предсмертного вздоха. В Яви находятся осязаемые вещи, явления и события, которые сопровождали человека в его жизни.

Навь — мир духов. Он включает в себя то, что было с душой до рождения и то, что ожидало ее после смерти. Навь также связывался с миром мертвых и неприкаянных душ.

Правь (или законы мироздания) — это мир, который был создан Дажьбогом — главным божеством из славянского пантеона. Именно этот мир управляет всеми явлениями в реальном мире и одновременно являлся миром богов.

** Макошь — богиня судьбы, прядущая путь души в земном воплощении, богиня-Мать и богиня-рожаница, богиня земного плодородия, водной стихии и покровительница Матери Сырой Земли.

*** Велес — один из самых загадочных богов древнерусском языческом пантеоне, «скотий бог», покровитель сказителей и поэзии. Бог мудрости, достатка, путешественников,

владыка вод и мира Нави.

**** Сварог — Отец Богов, сотворивший мир и символ плодородия. Олицетворение справедливости, творческой энергии и правосудия.

***** фамилляр — питомцы, сопровождающие волшебников, помощники своих хозяев в их магических делах.

***** Лада Милославовна Велесова — потомственная травница, доцент кафедры славянских обычаев и разговоров по душам на аутентичных языках. Ведунья и целительница во многих поколениях, что пытается скрывать. Общается с предками, дружит с домовым, видит людей и котов насквозь. Вспоминает древние ритуалы и заговоры и адаптирует их к арттерапии. Хранит старинные рецепты снадобий, уточнить один из которых и отправилась в эту экспедицию к корням

Особые приметы:

массивные монисто, затейливо повязанный платок, любит травяной чай, умеет договариваться с котами всех пород и мастей *****

Диана Ивановна Лисицына — заведующая кафедрой славянских памятников письменности, сама писатель, эксперт по славянским тотемным животным. Общается с животными, регулярно устраивает флешмобы по охране природной среды и заповедных зон. В такие дни активисты выезжают в лесопарки, убирают мусор и сажают деревья.

Особые приметы:

Одежда оторочена натуральным мехом, но потом оказывается, что это дремлет куница, свернувшись вокруг шеи, на спине татуировка лисы в знаке Велеса. Любит решать сложные текстовые задачи

Глава 2

— У всех клубочек есть? Надеемся, никто не взял ничего лишнего в избе Яги? Ну, разумеется, это была она! К походу нас приготовила — накормила, одела, умыла и путь указала... Мы, конечно, в вас не сомневаемся, ведь мы отбирали лучших из лучших. Но бдительность не помешает, верно?

Ладе Милославовне не пришлось переодеваться. Она и так была в народном костюме, как в своём. Она собрала на поляне вокруг себя изумлённых экскурсантов и постаралась объяснить происходящее, её гипнотический голос действовал успокаивающе на людей..

— По какой-то причине пропал ценный артефакт, потому мы отправились на его поиски туда, не знаю куда. Мы решили собрать себе в помощь исследователей, готовых нырнуть в это приключение за какой-то своей выгодой и по определенной причине — вас! Кто-то идет за правосудием, кто-то — за ответом на вопрос, а кто-то просто — тоже что-то ищет, или ждет от этого процесса интересной прогулки.

— Медлить больше нельзя! — торопила Диана. Её воротник обернулся кунницей, которая одним прыжком оказалась у кромки леса, где и исчезла. — В Путь!

Бросили Лада и Диана клубочки свои на дорожку, и вдруг они на глазах распускаться стали, запутываясь и цепляясь нитями друг за друга, пока один большой клубок не вышел...

Переглянулись странницы, Лада сумку от Яги через плечо перекинула, заметив, что для пустой котомка как-то тяжела...

И трех шагов ступить не успели, как видят — на пенёчке сидит кто-то. Маленький, как ребёнок: ножки коленочками к подбородку прижал, бородой прикрыл, смотрит хитро да ухмыляется в усы:

— Заждалси ужо! Чево долго так? Где шлындыете?

Открытые от удивления рты моментально сменила улыбка, хором девицы-красавицы ахнули:

— Семёёныч?! *

Семёныч Домовой в усы хмыкнул, да ноги в лаптях на моховую тропинку опустил:

— Не, ну а кто? Нежели я вас у своём дому не сопровожу, куда надобно? Усе, как и положено, — Семёныч снова забрался на пенек и как заправский драматический актер на сцене, воздевая руки к небу, старательно выдал. — Куды путь держите, али может вам помочь чем..?

Диана тихонько хихикнула в кулачок, а Лада присела рядом с бородатым актёром:

— А нам, дорогой Семёныч, сразу два дела решить нужно: к дубу Перунову пройти, да книгу Велеса у нас кто-то взял. Найти бы этого доброго человека. Но вот почему-то клубочки наши объединились. Неужто на одной дорожке все найдем?

— Экие вы, недоверчивые! Клубочек не ошибаеца нико-

гда. Ежели один — путь вдвоем и идтить. Знамо — в лес. Перво-наперво, братца мово сродного сыщем — Лешего. Он с норовом, конечно, сурьезный — как я, вобсчем.

Иной раз собьёшься в лесу с найоженной тропы, — Семёныч шел впереди, углубляясь в чащу, похрустывая ельником, — когда кругом сузём — дремучий лес, седой лишайник, вековые буреломы, непролазные топи...

Диана и Лада поёжились, с тревожным интересом поглядывая по сторонам: хвоя настолько плотно сцепила лапы, что солнце не могло лучами дотянуться до них...

Семёныч нарочито громко продолжал:

— Да.... Нет жизни в сузёме! И медведь, который любит чащи — даже он стороной обходит эти гибельные места!

Вдруг огромный бурый медведь возник перед ними. Он сидел на тропинке, смотрел прямо на путников. Лада с Дианой остановились как вкопанные, Семёныч сделал шаг в сторону, вдруг сгорбившись. Медведь выпрямился во весь огромный рост, глаза его громко сверкнули зелёным светом, а из пасти вырвался громогласный рык, эхом отозвался ото всех уголков леса, испугнув вдалеке стаю ворон.

— — Да, давно не виделись! Кхе-кхе... — Домовой почесал бороду.

Диана расслабленно выдохнула шепотом:

— Это же Леший!

Тем временем медведь опустил на все четыре лапы, превратившись в низенького, седого косматого мужчину, в

одежде цвета хвои застряли шишки и сосновые иголки. Он тепло улыбнулся странницам и обнял Семёныча:

— А я думаю, кто тут расшумелся?! Вышел прогнать охальника! — и он громко расхохотался.

Тут же будто солнцу дали дорогу, приоткрыли хвойную занавеску.

— Только вам не сюда! Провожу вас... Только и вы уж меня уважьте: друг мой старинный шёл ко мне за помощью, да на палку напоролся — не заметил. Рана горячая.

Он всё говорил, а в глазах подруг читалась тревога — чем они помогут? Кому? Это же лес — наверняка и житель лесной?.. Лада с ужасом глянула на Диану, та кивнула и выразительно моргнула, мол, нормально всё будет — разберёмся!

Под деревом на лиственной подушке тяжело дышал медведь с седым воротником, обломанные когти саблями вгрызались в землю от боли.

Леший подошел к гигантскому зверю, на глазах вырастая, пока мишка не стал ему по колено:

— Ну что, друг, вот и помощь я привёл. Не пришло пока твоё время, ты уж потерпи!

Диана и Лада знаками подозвали Семёныча и зашептали: — Что ж мы-то сделать можем? Ему, наверное, лекарства нужны — антибиотики какие... у нас ничего с собой нет!

Семёныч почесал бороду и ткнул костлявым пальцем в сумку Лады:

— А это?

Лада рассеянно глянула на сумку:

— Это мне Яга дала. Для листьев перуновых.

Семёныч наклонил голову и выжидательно воззрился на Ладу, затем на ягодные украшения её сумки. Девушка нахмурилась:

— Да это просто сумка пустая! — в качестве доказательства она открыла котомку, перевернула и встряхнула...

Из неё выпала медная кружка, бумага, скрученная в рулон и перевязанная ниткой, клубочек ниток и пузырёк с какой-то жидкостью.

Лада с Дианой только рты открыли, глядя на такой неожиданный скандал.

Семёныч, кряхтя, поднял пузырек, заворчал:

— Конечно, Яга им пустую котомку дала — они же в лес идут, зачем им что-то с собой... — он передал пузырёк Лешему.

Тот открыл рану, до того закрытую глиной, как крышкой, капнул содержимым и накрыл своей ладонью, распределяя жидкость по рваной воспалённой плоти.

Семёныч выдохнул:

— Ну, всё — теперь идите.

— Куда? — аккуратно уточнила Диана.

— Туда! — Леший снова уменьшился до размеров Семёныча и махнул куда-то сквозь чащу вправо, тут же там вспыхнули белыми и желтыми головками цветы, указывая путь.

Лада сделала уверенный шаг вперед, Диана за ней, и обе развернулись к Семёнычу:

— А ты? Не с нами?

Домовой расплылся в улыбке:

— Нет — дальше не могу, не моя вотчина. Я вас дома подожду — кто за хозяйством-то следить будет?

* Семёныч — Домовой и оберег авторского пространства, друг писателей и помощник их Муз. В нашей истории выступает в своей роли и вот, что говорит:

— Так вот! Получил я знамение* специально для погружению авторов в материал будущево баттлу — возвернутца к истокам своим и, как сусущество аун... анутич... аунтентическое миру славянскому, там арнтехфактов раздобыть, натуральных сведений разузнать и привезти сюда всево и поболе!

Конешно же, я — молодец! Кто барышни у нас в энтот раз даже я покашто не в курсах. Оне сами вам завтрева разъяснят, да и затею свою, клубочек-то Ягинин разматывать и начнут.

А у меня и так дел по горло, тем более, што я есчо под великим впечатлением. Про усё я у себя на странице поробнейше порасскажу.

Пока коротенько — пару словечек.

Мир там — в прошлом нашем — дивный был. Да и нынче тоже есть, конешно. Я ж прям сийчас оттудова.

Я знаитя, рóдные, как дуб-то — древо наше мировое уви-

дал, аж слезами залился, змея в морду его древнюю чмокнул, корни, узлами выюсчиеся, целовал, листики терпкия дубовыя жевал. Змей мне подмигнул дружественно, корни силу дали, листики память освежили. Но лучше с ими не усердствовать, а то такое привидитца могёт.

Да и без них, скажу я вам ...навидалси!

Как братию я свою (духов различинных) повстречал, как наобщалси, да каждого выслушал — мамадорогая.. Об этом вам токмо и рассказать. Ни один автор бедушным не останетца. Ага!

А я, то исть Домовой вообще там — бог!

Вот так!

Кутный бог зовуся и самому Велесу служу. Велес-то велий*** помог мне оченно в этой эхпендинции. Куда надо в кармане протасчил, куда можно — контрамарочку подсуропил. Потому как грустят там почитай усе по народу нынешнему, чудесные силы родовые растерявшему и истоки свои позабывшему.

А чудес там много, как и миров. Не, миров там три. И везде я побывал... Ну, как везде? В Правь одним глазком заглянул в щелочку из чпага**** Велесова, а по Яви нагулялси, да в Навь наведался через врата, то исть портал, што в Ягининушкиной избе.

Ох и кудесы***** там зрете***** я! Даже с Виём здоровкался, пока он дрых, и у Кашея кое-чево стасчил. Об усём этом доложу на баттле. Ага!

Ну, пошел я сувенирные арктехфакты распаковывать и к Игре нашенской техствой готовитца. Ох, соскучилси я по вам весь целиком!

А вы, не забыли меня, сердешныя?

Удаль писательская не пропала?

Я сам глаголов, то биш слов тамошних — нахвталси. Поэтому вам словарь для перевода.

Словарик

*знамение — указание

** емлеть — брать

*** велий — великий

**** чпаг — карман

***** кудесы — чудеса

***** зрете — видеть

Глава 3

— ...Долго ли, коротко ли, вышли Лада с Дианой из хмурого ельника — улыбнулось им солнышко ясное, осветило дорогу просторную до пристани с лодкой одинокой... — переплетая свою длинную косу, приговаривала Диана, и укладывала волосы вокруг головы, чтобы они не цеплялась за кусты.

Девушки сидели под могучей березой, вокруг по-прежнему было сумрачно — густые ветви, накрепко сцепившись между собой, образовали крышу.

Лада с улыбкой слушала подругу, разглаживая пальчиком вышитые узоры на сумке:

— Может, так оно и будет?.. Только зачем нам лодка?

— А как же, — Диана закусила губу, старательно скручивая косу в бублик, чтобы закрепить волосы найденной рябиновой веточкой, — как же мы тогда на остров Буян попадем? Он же остров?

Лада вздохнула:

— Остров-то остров, да как бы нас туда пустили...

— Ну — доберемся до лодки, там и решим! — Диана закрепила, наконец, косу и встала, отряхивая сарафан от сухих листьев.

И правда, не прошли они и ста шагов, как вышли из леса. Лада притормозила подругу, дернув за руку, и вежливо по-

клонилась лесу:

— Спасибо тебе, хозяин лесной, что дорогу показал!

Диана внимательно оглядывалась вокруг и сразу, как уважительное «спасибо» было сказано, чуть не подпрыгнула:

— Лодка!!!

Как только странницы уселись в неустойчивое лёгкое суденышко, вода пришла в движение, лодку качнуло, будто кто третий сел, стремительно понесло, ветер свистел в ушах, трепал волосы, соленые солнечные брызги попадали в нос и слепили глаза...

И тут огромная светлая гора загородила собой море, полоснула по глазам ярким отблеском — огромный дуб венчал всё это великолепие изумрудом кроны.

В восторге Лада с Дианой не сразу заметили, что течение только усиливается и несёт их прямо на прибрежные камни:

— Мы сейчас разобьемся! — взвизгнула Диана, хватая подругу за руку и на ходу выпрыгивая из лодки. Падая, она успела заметить, как из лодки выскочил ещё кто-то.

Пока добрались до дерева, иссекли руки ссадинами, пару раз упали от усталости, но договорились, что отдохнут уже у корней мирового древа.

— А вы кто такие? — раздалось вдруг откуда-то сверху, заставив обеих барышень вздрогнуть и задрать головы... но никого не было. И только девушки двинулись дальше, как земля под ними пришла в движение, солнце заволокли тучи. Безуспешно цепляясь за камни и ветки деревьев, Лада с Ди-

аной полетели куда-то вниз — земля под ними раскололась, дыхнула морозным инеем и захлопнулась ловушкой над их головами.

Перед ними сидел огромный зверь с саблеобразными клыками и сверлил их светящимися зелеными глазами. Он грозно выдохнул:

— Поздравляю! Вы здесь!..

Глава 4

— А где это — «здесь»? — аккуратно выступила Лада.

— В царстве Кощея! — прогремело над путешественниками так, что заложило уши.

Зажмурившись и закрыв ладошками уши, Лада с Дианой сели на корточки, не в силах подняться. Наконец давление ослабло, девушки пришли в себя и открыли глаза.

Перед ними стоял огромный, очень худой старик, редкие лунные волосы лежали на плечах, крючковатый нос задевал подбородок, щеки провалились, четко очертив череп, одежда прикрывала кости, но не могла спрятать общую худобу.

— Зачем к мировому древу отправились? Али смерть мою ищите? — нахмурился старик, переводя строгий взгляд с Дианы на Ладу.

— Прости нас, Кощей! — поклонилась в пояс Лада, дернув за руку Диану, принуждая сделать то же самое. — Дуб великий мне понадобился — для зелья одного. Там по преданию особая трава растет, чтобы исцелять то, что исцелить невозможно.

— Оживлять?! — Кощей ещё больше нахмурился и, наклонившись, подался вперед, его голос опять зазвучал повсюду, отозвавшись в диафрагме. — И меня оживит?

Лада с Дианой враз ощутили сильный холод, побледнели, замолчали и почти перестали дышать, как вдруг старик рас-

хохотался, откинувшись назад и не обдавая уже подруг холодом. Отсмеявшись собственной шутке, он снова глянул на девушек:

— Ну коли так — пошли за мной, — с этими словами он развернулся и зашагал уверенной походкой владыки дальше в свое царство.

Диана покусала губу, раздумывая, как поступить, как вдруг — откуда ни возьмись — ванильной молнией мелькнула куница, мгновенно вскарабкалась по её платью и, обвив шею, легла, не выпуская когти. Диана и Лада воспряли, словно проснулись, и с уважением начали:

— Ты уж прости нас, чародей великий! Знаем, что вездесущ ты и мудр, — начала Лада.

— Да ждут нас дела земные — не по своей воле мы к тебе пришли, не сердчай, но не останемся мы! — твердо закончила Диана, для храбрости погладила шёлковую кунью мордочку, как вдруг та опустила в её ладошку что-то..

Раскрыла она ладонь, и обе подруги увидали печать Велеса — медвежью лапу.

Тем временем Кощей развернулся к ним лицом, поднял свой посох, собираясь колдовать, сурово сдвинул брови, глаза его заискрились:

— Не повиноваться? Мне? Никто не может выйти из Моего Царства живым — нельзя!!! — гроыхнуло над головами девушек, куница прижалась к Диане, словно снова хотела стать воротником, странницы обе схватили печать Велеса,

выставив её перед собой, — между ними и Кошечем появился щит, земля под ногами начала сыпаться прямо вверх, распавшись на камни, яркий луч солнца полоснул по глазам... Девушки очнулись оттого, что куница бежит от одной к другой и своим холодным носом тычется им в щёки.

Диана и Лада поднялись и осмотрелись — вокруг была сочная зелень, а буквально в двух шагах шумела на волнах, нетерпеливо билась о берег и приглашала к прогулке изящно изогнутая деревянная ладья.

Вдали посреди вод драгоценным камнем подмигивал остров Буян.

Глава 5

Добравшись до острова Буяна, Лисицына и Велесова устало опустились на берег, слушая прибой. Откуда ни возьмись, снова появилась куница и стремглав заняла своё место на плечах Дианы. Девушка погладила зверька по голове:

— Может, ты нам ещё чем поможешь?..

Куница тихо мурлыкнула что-то по-своему, как лисичка, и метнулась в кусты.

— Ну, вооот..! — протянула Диана, откинулась назад, легла на траву и прикрыла глаза...

Тут же Лада дернула её за руку, призывая сесть — прямо перед ними стоял огромный волк — метров 5 в высоту — тот самый, который встретил их в царстве Кощея. У его ног крутилась куница Дианы.

Девушки практически перестали дышать, хлопая глазами и не понимая, что происходит, как вдруг волк прыгнул в их направлении, но на месте зверя уже оказался светловолосый мужчина в рубахе перевязанной поясом, на груди красовалась огромная вышивка — перевернутая буква А.

Диана и Лада хором ахнули:

— Велес!!!.. Сам Велес!

Мужчина с улыбкой хмыкнул и протянул Диане книгу. Ту самую, которая пропала из музея!

Лисицына моментально подскочила, протянула руки, го-

товая принять дар, и начала:

— А.. как это..? — и, не закончив вопроса, густо покраснела, обняла книгу.

Велес вдруг посерьёзnel:

— Молодец пригожий полюбил девицу. Да родичам её не люб оказался! Приданого много за неё давали, а жених не по статусу. Нашли из своего круга — девица в горячности и утопилась. Но любимый её разбогател, горькими слезами могилку полил, да пошел думать-решать, как любовь свою возвернуть. А кто ищет — он завсегда находит. Он и нашёл. Прочитал где, али добрые люди подсказали, что Книгу Велеса надо принесть для ритуала, — он усмехнулся и оперся на посох. — Но нельзя с законами мироздания спорить. Нельзя их так по неразумению или желанию праздному вспять поворачивать, — Велес задумчиво замолчал, глядя вдаль... — А книга на место должна вернуться, быть, где должна.

Лада с Дианой внимательно слушали рассказ, куница мирно дремала, прикинувшись воротником.

Наконец бог трех миров глубоко вздохнул и обратился к Ладе:

— Ну, а ты, целительница? Али думаешь, трава с подножья Древа тебе надобна?

Лада зарделась от волнения и закивала:

— Да. Я всякую перепробовала — земные травы так не работают. Как душу исцелить, чем сердце успокоить?

— Так, может, не туда смотришь, красавица? Нешто си-

ла в травах? Сила — она в тебе рождается! В прикосновении одном, что к исцелению стремится, — с этими словами протянул Велес букетик трав, положил его на Ладину ладонь, другой её рукой сверху накрыл, взял её руки в свои. — Помни про то, что у тебя внутри огонь целительный! Никаким огнём такой не разжечь, если ты сама искру в себе не отыщешь.

Глава 6

— Долго ль, коротко ли, а вывела путь-дорожка Диану с Ладой из леса прямо к избушке на курьих ножках. Стоит она к ним передом, к миру людскому задом... — Семёныч Домовой сидел на пенёчке спиной к лесу и тоскливо тренькал на гусях.

Диана, выйдя из-за кустов, беззвучно хохотнула, прикрыв рот ладошкой, Лада широко улыбнулась, на носочках в два прыжка оказалась рядом с пенёком и крепко обняла Домового.

— Явились! Наконец-то... — проворчала Яга в обличье страшной старухи. Она сидела на пороге, гладила пёрышки филина, который стоял рядом с ней и шурился на солнце, что пробивалось сквозь листву.

Ягиня перевела взгляд на молодых женщин и улыбнулась так, что странницы разом успокоились и расслабились. «Всё! Мы дома», — пронеслось у обеих в голове. Сразу навалилась усталость, пробудился голод, и захотелось пить.

— Эээ, нет! — погрозила крючковатым пальцем Яга, словно прочитав их мысли. — Сперва ваших дождемся. Садитесь пока, располагайтесь... Семёныч!? — домовой с готовностью подскочил. — Дай барышням воды напиться. А вы девицы-красавицы, проверьте да еще раз проверьте, чтобы все вернулись, да никто в междумирье не застрял. Пере-

кличьте всех, что ли?.. Куница тут же юркнула Диане в ноги, цепкими лапками забралась по рубаше на плечо, женщина мягко улыбнулась и почесала зверька по шейке.

И вдруг посерьезнела:

— Ягинюшка, матушка, — осторожно начала она, — пока ждем, расскажи, а что же с тем, кто любимую хотел вернуть? Даже про себя забыл — на всё готов был пойти, всё отдать, лишь бы она жила. Ягиня серьезно глянула из-под густых бровей. — Сказал вам Велес: «Не можно в мироздание вмешиваться!», — Яга подняла вверх костлявый палец. — Тот, кто сам по своей воле на ту сторону постучался и зашёл — он не вернется. Нельзя с духами сделки заключать! Ты-то свое сделаешь, а вот чтоб они сотворили обещанное — это как рак на горе свистнет, реки обратно потекут... Может такое быть?.. То-то! Но девицу Вий-батюшка отдал. Смогёте забрать — берите. Как она жить будет дальше — с таковым грузом, да за двоих — никто не знает.

— А... кхм-кхм... — Лада покашляла, прося себе слово, — что значит «сможем забрать»?

Ягиня взметнула руку вверх, задумчиво почесав по дороге в затылке, и моментально, словно в заправском фокусе, сменила облик и снова превратилась в красавицу. Кокетливо взмахнула пушистыми ресницами, глянула куда-то вдаль:

— Бааа!!! Лада с Дианой враз повернули головы, но ничего не увидели. Яга чуть с лестницы не свалилась от смеха: — Да вижу, что Наина Киевна Волчехвост возвращает-

ся, Ольга, ткущая в ночи, кто еще? Серафима Флюгарка, Додоля Перуновна — пусть догоняет, Морена Навка — позже всех вышла из портала, но молодец — не растерялась! Не зря именем Морены нареклась! — хохотнула Яга, сверкнув железным зубом. — Юлия Ладная — ладно как песню спела, пусть и у неё лад будет, догонит историю, допишет, — кивнула ведунья сама себе. — А вот чудо-юдо, которое Неведомым нечто кличут, надо бы закликать как-то покороче. Пусть уже докумекает. А Наташке-Ведуняшке передайте, чтоб ежа мне обратно вернула! Он мне еще три смены должен!

Дана шибко мне понравилась! Какая упертая, да справедливая. Ну, как я прямо.

Русалка... почти как эта ваша... — Яга указала головой на избу, — утопленница. Выдохнула устало и вдруг подмигнула озорно. — А Лягушке напомните, что родственница ейная по материнской линии заждалась уже...

— Ну что — все в сборе? Пошли в избу!

Поднявшись, Лада с Дианой ахнули — на лавке, возле пу-стого стола лежала молоденькая девушка и тихо спала.

— Чего смотришь? — зыркнула на Ладу Яга. — Хотела исцелять — вот оно — лечи!

Лада зарделась, засуетилась с сумкой и благодарностями Ягине за помощь, достала травы от Велеса, как вдруг ведунья остановила её:

— Тебе же сказали, что исцеление идет изнутри?.. не травы это делают, а ты!

Пока Лада с колотящимся сердцем преодолевала неверие в себя, Семёныч вместе с экскурсантами тихо зашел в избу, и все увидели, как очнулась ото сна девица-красавица, как мягко улыбнулась Яга, и вселенская мудрость была в этой лёгкой улыбке. Филин, скосив голову набок, наблюдал за всеми большими глазами.

...Уже скрываясь в дверях, Лада с Дианой глянули из-за плеча:

— Спасибо вам! До встречи!!!

На них молча, смотрели красавица-Ягиня, а рядом с ней вместо филина стоял Велес.

А вам мы предлагаем узнать, что же видели наши путешественники в неведомых мирах, с чем вернулись, что поняли про себя.

Одна из...

Янина Можейко

Глава 1. Водокрес

Зеркало отражало растрёпанные волосы, которые я безуспешно пыталась уложить в какое-то подобие причёски. Краем глаза уловила в нём за своей спиной стремительное передвижение мужа.

— Солнышко, куда ты опять исчезаешь? — поинтересовалась я, состроив своему отражению недовольную гримасу. — Ты же собирался проводить меня к проруби.

— Прости, родная, — супруг остановился возле меня, коснулся губами моего плеча. — Отец срочно вызвал — опять проблемы с моей сестрицей. Сегодня твоим попутчиком будет Белобог. Он как раз в Явь собрался, — и в ответ на мой протестующий жест добавил. — Я знаю, что для тебя эта ночь особая, но ты же понимаешь, что отец по пустякам не тревожит. Красавица моя!

Чмокнул меня в щёчку и умчался. Я только вздохнула. Соединившись с Дажьбогом, я никак не ожидала, что его семейство окажется таким многочисленным. Кое-кто жил здесь, кто-то предпочитал Явь, лишь изредка наведываясь в

свои чертоги в Прави. Может, и в Нави кто был, да я не со всей мужниной роднёй и познакомилась-то. Из своих только и знаю папу Переплута. Я улыбнулась, вспомнив своего весёлого, неунывающего и легкомысленного папочку, который даже не мог вспомнить, кто ему родил дочь. «Самое главное, — подвыпив, говорил мне бог путей и перекрёстков, покровитель путешественников и мореходства, — оказаться в нужное время и в нужном месте».

Кем я была? Одной из Младших, повелевала нашей речкой да родниками по всей округе. А Сварог всё для людей старался — огонь им подарил, железо научил ковать. Хотелось ему, чтобы болели они реже, чтоб земля славянская плодородней стала.

Вот так я случайно и попала под божественную искру. Папа до сих пор удивляется, как это Сварог в жёны своему любимому внуку меня сосватал. С моим-то непредсказуемым характером! То степенна и задумчива, ласкова и нежна, а то хохочу звонко, какой-то вертлявой делаюсь, бурные эмоции через край... «И в кого, говорит, — ты такая? Никогда не знаю, чего от тебя ждать». А ещё папа мне говорил, что у Перуна свои виды на сына были, но не осмелился он перечить Сварогу. А я-то, как увидела своего жениха, — сразу влюбилась! Красив он был, в глазах мудрость светилась, руки ласковые, нежные. И речи чутки. Да он и теперь такой! Вот только холода не любит, почти всю зиму в Прави проводит. И меня здесь запирает. «Ты, — говорит, — в Яви зимой

холодная делаешься, как ледышка, а мне без твоего тепла плохо становится». Если б не дед, так и сидела бы до весны под замком...

Я вышла на балкон. Темнеть начинает. Вон уже и месяца рожки показались из жемчужных облаков. Птицы спать устроились. Дед Сварог к Алатырь-камню отправился. И Белобог уже у ворот поджидает. Значит, и мне пора. Сегодня ночь особая — Водокрес!

Далеко идти не пришлось. Белобог только рукой махнул — между яблонями арка распахнулась, прямиком в зимнюю Явь. Холодом потянуло. Взглянула я искоса на провожатого. Ничего не отразилось на невозмутимом лице Белобога, однако пальцами щёлкнул — и на тебе! — белоснежная шубка на мои плечи легла, мягкий капюшон голову окутал. А за аркой тройка коней копытами бьёт. Шаг, другой — и мы уже возле саней. Пристяжная яблоко моё с удовольствием схрумкала, покосилась на меня — не дам ли ещё — и понеслись наши кони к заброшенной мельнице, где на реке всегда оставалась незамерзающая полынья. Ни к чему людям видеть, как я в воду схожу. Воздух чистый, морозный, снег под месяцем искрится — красота!

Оглянулась на Белобога. Он усмехнулся, тронул поводья — и был таков. «Какой же он правильный, — подумала я с досадой. — Другой бы хоть втихую да подглядел бы, как нагая богиня в воду идёт... Вот же глупость в голову лезет!» Скинула я шубку, сарафан свой роскошный, камнями рас-

шитый, и направилась к дымящейся на морозе полынье.

И заслышав первый удар молота по камню, Дана скользнула в полоску воды, соединившись с частью своей сущности. В этот миг тело её растеклось по всем озёрам, рекам и родникам. Это было знакомо и приятно — смотреть на людей, собравшихся у купелей, тысячами глаз, плескаться в тысячах колодцев, поить сотни тысяч зверей из источников. И сладостное мгновение, когда первая искра, высеченная Сварогом из Алатырь-камня, касалась её тела, зажигая пылающий огонь, наделяя необыкновенной силой, которая так будет нужна ей весной, чтобы пролиться благотным дождём над землёй. А та уже родит потом всё то, что нужно для жизни людей. И жизнь самой Даны наполнялась божественным смыслом, могуществом, способным исцелить, подарить молодость, исполнить любое желание. Восторг — вот чувство, которое она ощутила в это мгновение. Сварожий огонь — он такой!

*

Только успела одеться, тишину шелест крыльев нарушил — Мудра за мной прилетела, совушка моя драгоценная, мой оберег. Значит, пора в гости к родне отправляться — сегодня у Перуна с Ладой много народа соберётся. Жаль, что всего неделю праздник продлится. Хотелось бы подольше в Яви остаться. По отцу соскучилась. Да и подружка у меня в де-

ревне есть — Веселина. Как мы с ней любим на санках с горы кататься! Зимой здесь чудесно! И тут мне в голову мысль одна пришла.

— Слушай, Мудра! — зашептала я своей советчице, — а что, если я Живу попрошу вместо меня в чертог отправиться после праздника, а сама здесь останусь, пока не надоест?

— Не одобряю, — покрутила головой хранительница. — А как поймёт Дажьбог, что она — не ты? Подумала, чем всё закончится?

— Да как он поймёт-то? Мы же с ней похожи, словно двойняшки, — не сдавалась я. — Помнишь, как мой папа как-то проговорился: «Не одна ли мать у вас с Живой? Надо бы Перуна спросить... да... бывало, шалили мы с ним с Туманницами...» — передразнила я отца.

— Не знаю, не нравится мне твоя затея, — склонила Мудра голову. — Да ведь тебя не переубедить — упрямая ты, — она вдруг встрепенулась. — А не Кривдва ли тебе нашептала чего? Или Чёрные Навьи?

— Ты уж меня совсем за неразумную держишь, — отмахнулась я. — Дашь мне знать, если что не так пойдёт, — мигом появлюсь!

— Ох-о-хонюшки, да как же тебя одну оставить?! — возмутилась Мудра. — Найдёшь приключений на свою... голову!

— Ну, не ворчи, подруга, — погладила я её, — время есть — всё обговорим ещё. Давай уже полетим, а то гости всё

самое вкусное у Лады съедят...

Глава 2. Дар Болотника

— Ну чего ты? Устала что ли? — Мудра грузно опустилась на снег рядом с Даной, которая минуту назад снежным вихрем летела рядом с ней, а теперь стояла, прислушиваясь. — Так до усадьбы всего ничего осталось...

— Тс-с... — Дана приложила палец к губам. — Слышишь?... Кто-то стонет..

Сова наострила ушки.

— И вправду... то ли плачет, то ли... Куда ты? — она кинулась за Даной, которая, проваливаясь в сугробы, свернула с тропы. — Да не туда, правее бери, правее...

Сова первая увидела поваленное дерево, откуда доносились уже не стоны, а плач, похожий на детский.

— Не пойму я, кто плачет-то? Пенёк что ли? — запыхавшаяся Дана коснулась носком сапожка разлохмаченного пня.

Плач мгновенно прекратился, а из топорщившихся щепок на неё сверкнули большие глаза с висящими сосульками.

— Ай-я-ай! Не трогай меня! Без тебя тошно! — пропищал и вправду похожий на пенёк человечек. — Лучше дерево подними — видишь, хвост мне зажал.

— Оставь его! — Мудра пригляделась к лежащему. — Болотник это. Навий выкормыш тебя, светлую, боится.

— Нет, нет, не уходите! — заскулил опять «пенёк», смах-

нув с глаз сосульки. — Освободите хвост да до болота моего помогите добраться — век благодарен буду.

Дана повернулась к Мудре:

— Не оставлять же его здесь! Погибнет ведь! — она прижала кулачки к груди, чуть не плача, а потом попыталась приподнять упавшее дерево.

Сова только фыркнула в ответ:

— Тоже мне! Нашла кого жалеть!.. Да не тряси ты это дерево — ручками-то всё равно не подымешь.

Сообщила Дана, обернулась ледяной колонной. Одним концом в соседнее дерево упёрлась, другим сдвинула поваленное. Обрадованный болотник хотел было вскочить сразу, но не смог. В снег повалился, слёзы из глаз брызнули, гнилые зубы прикусили нижнюю губу.

— Похоже, он ещё и ногу гусиную повредил, — невозмутимо пояснила сова. — Калекой теперь останется. Чего тебе в болоте-то не сиделось? — спросила пострадавшего.

— Дак я в Навь пошёл — силы почерпнуть, да не успел — пришлось обратно вертаться...

— В Водокрес-то ворота в Навь запираются — опять пояснила Мудра Дана, — на целую неделю. Силушки у этих вредителей совсем мало и остаётся.

— А как ты в Навь попадаешь? — Дану любопытство одолело. — И дорога туда есть? Или тропу какую знаешь?

— А ты ни разу и не была там? — удивился коротышка. — Я думал — вы всюду ходите. Это ведь только таким, как

я, в Прави заказано бывать. Да и в Славь никто не пропустит, — понурился он, опустив головушку.

— Мудра, давай мы его в родное болото доставим, — с жалостью посмотрела на болотника Дана. — Показывай дорогу!

А сама задумалась: как бы ей половчее расспросить: про тропинку в Навь у него разузнать, хоть одним глазком взглянуть — как там?

Сова плечами только пожала — мол, тебе видней — подцепила бедолагу в лапы и взмахнула крыльями. Снежный вихрь метнулся за ней.

У небольшого болотца, окружённого кривыми и чахлыми берёзками, сова опустила болотника на бережок. Коротышка постучал по тонкой кромке льда, проломив её, и что-то забормотал высунувшей голову лягушке. Та нырнула обратно, потом снова появилась и сунула какой-то предмет в руку болотнику. Он повернулся к своим спасительницам и низко поклонился:

— Благодарю вас, что домой меня вернули, не побрезговали нечистью. Ежели понадобится когда, завсегда пособлю.

Мудра презрительно зафыркала, распушила крылья и отлетела подальше к разлапистой ели, поджидая там свою хозяйку.

— Погоди, Старшая, — остановил болотник Дану, — я долг благодарности отдать сейчас хочу, — он положил предмет на снег возле неё.

— Что это? — Дана взяла его в руки, взгляделась в переплетённые окружности. — Амулет?

— Это связь трёх миров, он приведёт тебя к тем воротам, куда ты хочешь попасть, — он снова низко поклонился и повернулся к болоту.

— Ты добрый, спасибо, — уже в спину ему проговорила Дана.

Болотник обернулся:

— Я не добрый, я просто не злой. Прощай!

Глава 3. Семья

Месяц давно уже переместился за полночь, когда Дана с Мудрой, наконец, достигли усадьбы Перуна...

Огромные волкодлаки, охраняющие усадьбу, подбежали к ним, обнюхали и неспешно удалились. Впрочем, особой необходимости в них не было — люди в округе считали поселение в Ирейском лесу храмом волхвов и без крайней нужды близко не подходили. Тем более, догадывались, что урожаи их садов да огородов, везенье в охоте да рыбалке, изобилие грибов и ягод в лесу — не случайность. А для особых завистников всегда наготове была целая сотня помощников — шишиги, лесовики, банники, домовые и прочие мелкие пакостники.

Все окна большого терема были освещены. Морозные узоры на окнах не давали увидеть, что там происходит. Словно издалека, в тишине глухо слышались только переливы свирели да взрывы смеха.

Когда Дана переступила порог просторной горницы, веселье уже шло на убыль. Только Лель играл на свирели, да кружились в танце младшие Сварожичи — Лёля с Полелем и Жива, рядом выделявала коленца воинственная Магура. Что-то тихо обсуждали сидящие на скамье за столом Морана и Стрибог.

Лада приветливо улыбнулась невестке и жестом указала той на стол — мол, садись, отведай угощенье. Чего только

на том столе ни было! Среди корчаг с мёдовухой и ковшей со сбитнем да взварами и киселями раскинулись блюда с дичиной, с копчёными гусями да утками, рябчиками да тетеревами; головы щучьи с чесноком таращились на соседей — сомов вяленых с сигами жирными. Дымились сковороды с жареными мозгами да бычьими яйцами. Пирогов на столах немеряно было: со снытью, с вязигой, с салом и крупой — всех начинок и не пересказать. А уж про солёных грибочков — рыжиков с груздями — и говорить нечего.

Но чуткая Дана заметила тревогу в глазах свекрови, когда та повернулась к стоящим в стороне мужу и сыну. Даждьбог с Перуном выглядели расстроенными. Дана направилась было к ним, но её под руку подхватила Жива. Тётка мужа была почти ровесницей Даны. И, вправду, сходство их бросалось в глаза, но почему-то никто не замечал этого.

*

— А где Девана? — спросила я, оглядываясь по сторонам.

— В ней-то всё и дело! Угораздило дедов праздник испортить, — зашептала Жива, увлекая меня к лестнице, что вела в верхние женские покои. — Пойдём — всё расскажу.

— Да я ещё и за столом-то не посидела. Есть хочу, — попробовала я сопротивляться.

— У меня наверху всего хватает! — Жива тащила меня по ступеням, не слушая возражений.

Пришлось покориться. В спальне Живы, в самом деле, на столике вперемешку с фруктами и кувшинами с настойками громоздились блюда с разными яствами.

Вгрызаясь в гусиную ножку, я промычала с набитым ртом:
— Рассказывай!

— Ты же знаешь, какая она своебышная... — начала Жива.

Не сказать, что старшая сестра мужа была мне подругой, но я ею восхищалась — мудрая, гордая, непокорная, решительная. Может, оттого, что таких чёрточек моему характеру не хватало. Хотя я тоже могла иногда взбрыкнуть, но до смелой охотницы, защитницы диких зверей мне далеко...

— ...представляешь! — продолжила Жива, грызя засахаренные орешки, — Наша умница решила, что она мудрей и сильнее деда, а, значит, она и должна быть главной в Прави.

— Чего? — я чуть не подавилась куском пирога.

— Того! — передразнила подруга. — Отец как-то прознал про её затею и предложил силой прежде с ним померяться.

Я перестала жевать и вся в слух превратилась.

— Поначалу они на копьях мерялись, — Жива взмахнула руками, — ничья. Потом начали превращаться в зверей да в птиц. Так Деване не привыкать — сама знаешь, хорошо она оборачивается. Так ведь и отец наш умеет. Вот он львом победил её львицу. Она — птицей, а он — ястребом, нагнал её...

Жива увлеклась, прыгала по комнате, изображая поеди-

нок, а я так и не закрыла рот — состязание между отцом и дочерью не укладывалось в моей голове.

— И что дальше? Победил?! — выдохнула я.

— Если бы... — Жива снова взялась за орешки. — Рыбкой из его лап выскользнула да под воду ушла. Ладно, что Мокошь ему мелкую, заколдованную сеть подсунула вовремя... вытащил упрямыцу, — она сморщила носик, и не понять было, радуется она победе Перуна или за Девану переживает.

— И что теперь? — мне не терпелось узнать конец истории.

Жива пожала плечами:

— Вроде смирилась, пообещала отцу, что больше никаких умыслов не будет. Только что-то мне не верится. Отец сказал ей, что уже нашёл мужа для неё. Деване всё равно придётся согласиться. Недавно переделась в своё охотничье, лук взяла и ушла в сторожку, а мне сказала на прощанье: «Все мужчины — козлы! Не верь никому!». Как думаешь, затевает она что-то?

— А за кого замуж-то? — я и есть перестала, про себя отметив, что надо бы Девану в сторожке навестить.

— Он не сказал, кто будет её мужем, а на днях послал за Святобором.

Вот так новость!

— Так они же такие разные! — удивилась я. Он — спокойный, добрый, справедливый...

— И Девана справедливая, — заступилась за сестру Жива. — Зато они оба любят лес, заботятся о нём — все лесные им благодарны. Да и люди их славят. Уживутся, коль одно дело вершить будут.

Наверно, она права. Мы же с Даждьбогом — вполне благополучная пара, несмотря на его... Не успела додумать, тут мой ненаглядный и нарисовался.

— Поутру в Правь вернёмся, — мрачно произнёс он с порога. — Провожу тебя до чертога и исчезну на пару недель.

— А как же неделя праздничная? — заикнулась было я.

— Не время для гулянок, за Иреем, за горами, вороги напали на мирных селян. Порядок надобно навести, — сурово объяснил муж.

— Возьми меня с собой, — попросила я. — Может, и я на что пригожусь.

— Битва — мужское дело, не женское, — сказал, как отрезал, развернулся и был таков.

Вот это я и имела ввиду — замашки его властные.

А я за Живу взялась:

— Подруга моя дорогая, выручай! Подмени меня в Прави на это время, устала я взаперти там сидеть. Столько силушки после Водокреса! Жить хочется!

— Да как же так?! — видно, что Жива испугалась. — А как племяш поймёт, что я не ты? Мало обеим не покажется!

— Да как же он поймёт, если сразу уйдёт, мы же с тобой как сестры? — отмахнулась я, уже предвкушая долгождан-

ную свободу.

— А коли он целоваться начнёт, или ещё что... — покраснела Жива.

— Не будет, — уверенно заявила я. — Не то у него нынче настроение. Другие думки.

— Ну, гляди! — подруга покачала головой. — Если что...

— Если что, Мудра всё тебе подскажет и мне даст знать, — обрадовалась я, обняла «сестричку» и удрала, пока та не передумала.

Утром, глядя из оконца Живиной светёлки, поняла, что муж ничего не заподозрил. Разве что Лада на меня как-то странно посмотрела после их отъезда, но я отговорилаcь бессонной ночью и сказала, что пойду проведать Девану. Так и сделала.

*

Дана пошла по утоптанной тропе, наслаждаясь прекрасным наступающим днём. Лёгкий морозец, тихо порхает снежок, иней на кустах сверкает — легко дышится. Даже попыталась насвистывать, подражая какой-то птице. Охотничий домик Деваны находился не так уж далеко. Бревенчатый сруб не был увешан трофеями, как это порой бывает. Девана ценила жизнь обитателей леса. И охотникам пострелять ради забавы спуска не давала — лишала их своего покровительства, потому приходили они из леса с

пустыми руками.

У дерева был привязан чужой вороной. Дана подумалось, что какой-то охотник принёс ей первую добычу — так заведено было. Решила не мешать, но в окно заглянуть подумала — любопытно же! Белые волки, спутники охотницы, лежащие у крылечка, разом подняли головы, напряглись. Но узнали Дану, расслабились, снова уткнули носы в лапы.

Но то, что она увидела сквозь морозный узор, настолько её поразило, что с минуту она стояла, открыв рот. На широкой кровати, возле распахнутого в непонятно что окна, спал одетый мужчина с деревянной ложкой в руках. Видать, сон сморил за едой. А красавица Девана со злоеющей улыбкой на губах что-то приговаривала над ним. Дана застучала по стеклу. Девана оглянулась и тут же перевернула кровать — мужчина, так и не проснувшись, улетел в никуда, а окно тут же захлопнулось. Дана метнулась к дверям, пролетела сенки, ворвалась в комнату.

— Что это было?! Куда ты его отправила?! — закричала, уже понимая и холодея при этом.

Девана, как ни в чём не бывало, сбросила пустые миски со стола в лохань возле печки, вытерла брезгливо руки тряпкой и только тогда соизволила ответить:

— В Навь, куда ж ещё? — поморщилась. — А ты чего незвана явилась?

— Может, он тебя силой хотел взять? — Дана рухнула на скамью, ноги не держали.

— Меня?! Силой?! — рассмеялась охотница. — Козёл он. И путь его к таким же козлицам.

— Так ты из-за того, что отец тебя замуж отдаёт? — догадалась Дана. — Ты так мстишь ему, да? И многих невинных ты уже туда спроводила?

— Невинные! Как же! — фыркнула Девана.

— Что ж ты творишь-то? — совсем расстроилась Дана. — Мне только вчера Ягуся жаловалась, что кто-то слухи про неё в деревнях распускает, что она детишек в печке жарит да людишек в Кащеево царство отправляет. А это ты, оказывается, в Навь их толкаешь... Всё Перуну расскажу — не нужна Святобору такая жена!

— Святобор? — встрепелась Девана. — Отец и правда меня ему сватает?!

— Правда. Он такой хороший, честный, а ты... — Дана, не удержавшись, расплакалась.

— Да не переживай ты так, — Девана хлопнула Дану по плечу. — Этот, — она кивнула на пустую кровать, — гад ещё тот! Обокрал артель честных охотников, а мне шкурку соболиную принёс в дар. Мешок-то с соболями, вон, к седлу коня приторочен. Пусть теперь в Пекле помается. И другие не лучшие этого были.

Дана недоверчиво подняла голову, вытерла слёзы.

— Правду говорю. Другие — не лучшие, — Девана сдвинула кровать в дальний угол. — Ты иди. Я сама к отцу пойду — повинюсь. Простит ведь дочку, да?..

Глава 4. Навь Тёмная и Светлая

Вышла Дана из сторожки и пошла куда глаза глядят. Настроение никакое. Ноги и привели её в деревню, прямо-ком к избе, где закадычная подруга Веселина с братом жила. Только вот не улыбка её там ждала, а слёзы подружки. Заболел её младший братик, еле дышит хрипло, кашляет надсадно, горит весь. Кинулась подруга в ноги Дане: одна, мол, надежда на тебя, ты всё можешь, помоги, спаси, век Роду молитвы за тебя возносить буду, никаких даров не пожалею. А что Дана может? Ни вода, ни сила её не помогли мальчику. Глядит она в тусклое оконце и видит, как по тропке уже Морана к дому приближается. Выскочила, путь преградила, уговорами да посулами выторговала у той пару дней для мальчишки.

И, как не крути, выходило Дане в Навь отправиться — там, в Слави, дух Трояна обитает, колдуна и врачавателя. Только он и может помочь. Вот так совпало — и доброе дело сделать можно, и любопытство своё потешить.

Стою я, значит, на опушке леса с амулетом Перехода в руках и заговор вспоминаю, какой мне Болотник нашептал, чтобы знак проснулся, и путь мне указал в Навь.

Темная ночь, заклинаю мне помочь!

Велес, потрудись! Загаданное, появись!

Амулет дёрнулся в ладошке, и передо мной плёнка тонкая появилась, как то окошко у Деваны. Разошлась плёночка, и я, не мешкая, шагнула в проём, по звуку догадалась, что закрылось окно сразу. Ай! Огненная искра руку обожгла. И стою я прямо в огненном озере, языки пламени уже сапожки лижут. Прямиком в Пекло что ли попала? Кое-как справилась — я же вода всё-таки. Кругом водным себя очертила и думаю, куда мне дальше, как-то выбираться надо. Может, дождём всё залить? Устрою вот потоп тут...

И вдруг из этой огненной купели вырос передо мной огромный полыхающий великан. Красные глаза сверкают рубинами, с ручищ искры срываются, ко мне летят. Да разбиваются о водяную преграду. Ага! Меня так просто не возьмёшь! Хотя поджилки, чувствую, трясутся.

— Что Светлая тут забыла? — вопит (или мне кажется уже?) этот исполин. — Испепелю!

Огневик? Да ну! — огневики маленькие, мирные, пищу помогают хозяевам приготовить, с домовыми дружат... Где-то я слыхала про огненных демонов. Он, наверно и есть.

А сама так это дерзко ему отвечаю:

— А попробуй! — и копьё ледяное быстенько изготовила. — Будем биться?..

Хохоchet Огнище, колыхается — искры во все стороны летят

— Биться? Со мной!!! А огненного дождика не хочешь испытать? Смаргам прикажу — враз вырастут, завесу водную сожрут — пепел от тебя останется.

Сердце ухнуло вниз, в животе моём где-то колотится. Перед шквалом огненным не устоять мне. Страх со злостью мешается. Веселинка только на меня и надеется...

— Легко других-то на смерть посылать! — кричу в ответ ему. — Когда самому ничего не грозит. Они ведь навсегда погаснут, если волну большую призову. (Вру, конечно, однако, с ним я могу справиться). — Вызываю тебя на бой! Или боишься один на один сразиться!?

Огинище побагровел ещё пуще, хотя уж больше некуда.

— Согласен! — ревёт так, что перепонки в ушах чуть не лопаются. И кидает в меня молнию.

Нашёл, чем напугать! Пригибаюсь и в свою очередьметаю ему в ноги ледяные копья. Ага! Упал! На подрубленных ногах не устоишь! И с маху ливнем его, ливнем! Накрыла!!! И колонной ледяной сверху придавливаю, пока не очухался... Шипит... Смотри-ка — уже и дланью своей, наполовину потухшей по земле бьёт — пощады просит. Понял, что я всё вокруг залью! Тут и конец ему!!! Лежит такой тускленький, жар погас, закоптился весь, как головня в воде остуженная....

Короче, выторговала я проход в Славь в обмен, что ничего больше не трону здесь. Сам мне и направление указал. Так и дошла без помех до завесы тёмной, которая разошлась от

моей руки в обе стороны, а потом снова закрылась.

Смотрю кругом — и ничего не понимаю — как-то не так я Славу с добрыми душами представляла. Вроде деревня, как бы наша, из Яви, просто в тумане вся. И по земле туман стелется, к ногам льнёт, словно живой. Только избы чёрные, мхом поросли, покосившиеся, полуразваленные, крыши прорехами зияют, изгороди друг на друга завалились. Оконцы пустые. Заглянуть — не хочется, боязно... Деревья без листочков — кручёные, изогнутые, ветки ко мне голые тянут. И ни души вокруг. Даже ветра нет. Иду, озираюсь. Что-то хрустнуло под ногой — оказалось, череп на части развалился. Жутковато!

Тогда и догадалась, что проклятый Огнище не туда, куда мне надо, дорогу указал. И не вернешься ведь... А дорога грязная, пыльная, дальше ведёт. Избы выше стали, на терема похожи. Но не краше. Вроде ещё темнее стало...

И вдруг — топот медленный позади. Оборачиваюсь — а меня штук шесть скелетов нагоняют! Пустые глазницы белым светятся, челюсти открываются и причмокивают, кости голые позвякивают... А из изб ещё и ещё такие же выходят...

Колени мои подогнулись, одна мысль в голове бьётся — домой хочу! Полезла в кармашек за амулетом, а там... Пусто!!! Вот когда мне совсем тошно-то стало! Делать-то что???

А тут из тумана мост проявился, а за ним громадный даже не терем, а целый замок проступает из мглы. И надо как-

то задержать скелетов, чтобы успеть хотя бы туда от них сбежать. Махнула рукой — перед ними озеро большое образовалось. Может, потонут?.. Да только путь на мост зеркало мне преградило. А в нём не скелеты отражаются, а добры молодцы через озеро плывут, позади них избы светлые стоят. И себя вижу, в нарядном сарафане, с короной на голове. Лицо вроде моё, но меняется, стареет на глазах, а корона уже и не корона, а змей на волосах свернулся в кольцо, и молодцы скелетами из воды выходят. Лицо моё рассыпаться начало, и уже глядит на меня рожа кривая с ухмылкой. Это ж Зеркало Кривды!!! Врезала я от души по нему — осколками осыпалось.

Шагнула я на мост, а навстречу мне ворон, из замка вылетевший. Грянул оземь — и стоит передо мной красавец в богатом кафтане, улыбается знакомой улыбкой ласковой. Вылитый Белобог. Но я уж поняла, что это брат его, Чернобог, властелин всей Нави. Глаза то сапфирами, то изумрудами сверкают.

— Надо же, гостья какая знатная ко мне пожаловала! — и голос у него медовый, прямо обволакивает всю. — Здравствуй, Данушка! — за руку меня взял, словно искра проскочила. И одно желание — быть рядом с ним, сильным, могучим.

— Пойдём со мной в замок мой волшебный. Накормлю, напою, печали свои поведаешь. Понравится — так и останешься.

И тут — я опомнилась. Для чего я в Навь-то пришла!?

Руку вырвала, соблазн преодолела — чары и спали.

Всё он правильно понял, проводил до моста через речку мутную, грязную. Посетовал, что рад бы меня оставить рядышком с собой, да боится равновесие в мире нарушить. К тому же и Мара его не поймёт. Оказывается, Морана-то его женой была. А я и не знала...

— Мост перейдёшь — там и Славь будет, — сказал Чернобог прежде, чем проститься со мной. — Заблудиться не бойся — куда бы ни пошла — всё равно к Трояну выйдешь. Сам бы навестил, да дела у меня тут — поклон ему от меня.

На середине моста я вроде как небольшое магическое сопротивление ощутила, чуть-чуть, словно иголочками покалывало. И за следующим шагом раскрылось передо мной пространство огромное, светлое: поломанные гнилые перила мостика сменились резными опорами, крепкие доски запахли сосновой смолой, вода в речке прозрачной стала, серебрилась рыбками выпрыгивающими. Я даже шаг назад сделала, оглянулась — а там — опять та же мгла туманная, какая-то гниль по воде плывёт, вдали шпиль замковой башни мерцает... Ну, неет! Я уж лучше вперёд пойду!

Спустилась с моста, полем иду: колосья налитые шелестят, кланяются мне, васильки переговариваются; лесок берёзовый прошла — колокольчики лесные позванивают, земляника краснеет, грибочки по сторонам разбегаются... Наклонилась за одним боровичком-крепышём, а рука-то —

сквозь него и прошла. Вот она какая, Навь Светлая...

Из леса вышла — и вновь ширь во все стороны, а посредине, чуть подале, — дуб огромный. Перед ним среди цветов всяких детишки играют. С неба за ними облака кудрявые приглядывают. А возле дуба старец сидит, седой как лунь: с бородой, спадающей на рубаху белую, узорами расшитую, а на груди знак Целебника сверкает. Не обманул, значит, Чернобог... Поклонилась я низко Трояну:

— Здрав будь, дедушка Троян! Кланяется тебе и Чернобог. Он мне и указал, как тебя найти. Пришла я к тебе за снадобьем. Лихоманка скрутила братишку моей подруги Веселины. Одна надежда на тебя, моей силы не хватает. Помогите!

— Ах, Дана, Дана, — покачал головой целитель. — Не тем голова твоя занята. Учиться тебе надобно. Тогда и не пришлось бы в Нави столько испытаний проходить. Надеюсь, на пользу они тебе пойдут, — пронизательные ясные глаза, казалось, заглянули мне прямо в душу. — А всего-то и надо было — ко мне обратиться да заклинание произнести: **«Тебе сегодня в явный мир прибывать, мне советы давать. Подскажи, как мне быть. Прошу дать совет и меня благословить»**. Излечим птенчика вашего!

А кому учить-то меня было? Хотя и, правда, многие советы от той же Лады или от деда Сварога (не говоря уж про Мудру) я мимо ушей пропускала. Так что склонила я голову в знак согласия, ладошки у груди сложила:

— Прости неразумную! Только потеряла я амулет Пере-

хода. Как в Явь попасть — не знаю...

— Амулет вернулся туда, где ему и надлежит быть. А ты ступай за мной! — и Троян направился к дуплу.

А меня же любопытство одолевает, и я опять с вопросом к нему:

— Дедушка Троян, а почему тут у тебя только детские души? Где же взрослые? И что делают вон те? — и указываю ему на детей, что постарше, которые поодаль семена разбрасывают по вспаханной земле.

А он мне отвечает:

— А ты разве не знаешь, что у хороших людей, что сюда попадают, души всегда детские — чистые да светлые? А сеют они семена Добра, чтоб те в Яви проросли. Видишь, радуга на облаках появилась! Значит, у кого-то на земле в жёстком сердце семечко доброе и проклюнулось, — и улыбнулся так ласково-ласково.

Зашли мы с Трояном в просторное дупло, и сей же миг оказались возле избы Веселины. Морана, как увидела нас, так и ушла с тропинки обратно в лес. Поколдовал Троян над Васильком, напоил его отваром целебным. Мне, как владеющей силой Водокреса, велел заклинание прочесть: «**Кладу светлый креС на окошко. КреСом тем творю запор от злобных сил и нечисти всякой. Дом этот им недоступен отныне, а тем, что успели пробраться — тотчас же сгинуть. Так тому и быть**», чтобы никакая беда семьи Веселины больше не коснулась.

Мальчонке снадобье враз помогло, отступила болезнь. Веселина и смеялась, и плакала от радости, что братишка поправился, благодарила, руки целителю целовала...

Вышел Троян из избы и был таков...

— Батюшки! — всплеснула руками Веселина. — Запamятавала совсем! Мудра же, сова твоя, прилетала! Вся взъерoшенная, тебя искала по какой-то надобности, да так и отбыла ни с чем...

И стою я опять на опушке леса у липы моей любимой. И корю себя, что не спросила у Трояна, как в Правь вернуться. Хороша ученица!.. Вот что делать теперь?.. Может, снова у Болотника помощь попросить?..

Глава 5. Они с нами

Вернулась Дана в Правь. И сразу у чертога столкнулась с мужем, а за ним и Жива показалась. Извиняясь, пожала плечами, в глаза не смотрит, голову опустила. Поняла Дана, что обман её раскрыт. Кого тут винить? Всё сама затеяла. Любопытство да соблазн никого до добра не доводит.

Только не ожидала она, что Даждьбог волей своей обратно в Явь навсегда её отправит, а Живу в жёны возьмёт. И то сказать, тёткой-то она ему не родной оказалась.

Горько Дане было — ох, горько! Обида была огромной! Поначалу в горы отправилась, с Ледниками разбуженными гулянку затеяла: разбушевалась, все преграды на своём пути сносила, воды свои на равнину несла... Спихватилась тогда только, как увидела, что люди у идолов о милости к ней зывают, дары щедрые оставляют, жертвы готовы принести... Ужаснулась содеянному, раскаялась, угомонилась. И вошла в свои берега.

Мудростью своей нашла и хорошую сторону в расставании с Даждьбогом. По-прежнему богиня владела реками, родниками да озёрами на земле славянской. Зато — свободна! Водокрес никто у неё не отобрал!.. А на сестрёнку зла не держала — теперь зимой вместе в полынью ныряли, да и в терем к Сварожичам дорога всегда открыта была...

СПУСТЯ ПОЛТОРЫ-ДВЕ ТЫСЯЧИ ЛЕТ (ПО ЗЕМНЫМ МЕРКАМ)...

— ... Так вы всё-таки остаётесь? — Перун внимательно обвёл взглядом немногочисленных родственников, сидящих в просторной горнице, — Купало, Ярило, Макошь, Радегаст, Велес, берегиня Ягуся, Леля...

Лада сквозь набегающие слёзы с надеждой взглянула на сына.

— Да, мы так решили, — твёрдо ответил Дажьбог. — Может, и вам стоит остаться?

— Мы уже давно никому здесь не нужны, — с горечью в голосе ответил Перун. — И так последние остались на этой планете. И не возражай! — он поднял руку, останавливая сына, пытающегося что-то произнести. — Я знаю — ты скажешь, что есть люди, верующие в нас, живущие по правилам Белобога, почитающие Рода. Но ты же понимаешь, что их мало — мы уже начали стареть. А люди впустили зло в свои сердца, открыли дорогу созданиям Нави.

— А мы верим, что именно здесь — на огромной Руси с её народами — люди вспомнят нас! И Морок уйдёт. И Солнце засияет ярче, — упрямо произнёс Дажьбог.

Дана заметила, как сжались его пальцы на руке Живы, ощутила, как трудно ему было принять решение, как тяже-

ло расставаться с родными! Возможно, навсегда... Но и боль уходящих чувствовала. Сердца их рвались на части перед разлукой.

Дана встала — у неё не было сомнений в выборе своего пути:

— Здесь ведь не только мы остаёмся, — решимость светилась в её глазах. — Кто-то же должен защитить людей от прорыва Нави, раз держатели равновесия покинули свои обители! Велесу одному не справиться с тьмой.

Свежий ветерок шевельнул занавеску на стрельчатом окне терема, ворвался в горницу наперегонки с солнечными зайчиками, разглаживая суровые морщинки на лицах богов...

И Дане вспомнилось давнее...

...Туман окружил её со всех сторон, плотный, словно молочный кисель, скрывая лес и опушку, где она мучительно искала ответ на вопрос, как попасть в Правь. Уже было не понять, куда идти... она сделала шаг и ощутила, что земли под ногами нет, а время словно остановилось...

Из тумана неспешно выступила фигура человека... Весь облик незнакомца каждый миг менялся. Менялся рост: от великанского до карликового и обратно. Менялось лицо: от юношеского до стариковского; появлялась борода и сменялась усами, которые в свою очередь исчезали. На лысой голове проступали седые волосы, и тут же возникала буйная шевелюра. Так же менялась и одежда на нём. Всё это про-

исходило с такой калейдоскопической скоростью, что Дана зажмурилась. Но не испугалась, из самой глубины души пришло — я знаю его! Она открыла глаза.

— Ты — Род?! — скорее утвердительно, чем вопросительно сказала она.

Удивительно, но теперь перед ней стоял мужчина лет 40. Вышитая рубашка была перепоясана красным кушаком, в короткой бороде уже местами серебрилась седина, пронизательные синие глаза по-доброму смотрели на Дану, хотя она заметила и укоризну в его взоре.

— Чему же ты удивляешься, Дана? Я в каждом живом существе, в каждой былинке на этой благословенной земле. Я всегда был — в каждом из вас и никогда никого не покину.

Дана схватила его за тёплую руку:

— Я хочу вернуться в Правь. Пожалуйста, верни меня туда!

— Девочка моя, неужели ты ещё не поняла? — Род поднял вторую руку — на ладони лежал утерянный амулет. — Все миры в тебе. Правь — это когда ты поступаешь по правилам, выработанным человечеством, чтобы жить в мире, согласии и гармонии со всем сущим. И дружишь с Правдой.

Навь — это память твоих предков; подсознание: там живут твои страхи и опасения; память о душах ушедших друзей и врагов; твоя совесть, стыдящаяся каких-то поступков и создающая монстров; твои нехорошие помыслы — это Кривда. Всё, что тебя тревожит и угнетает — это

и есть Навь, — он вздохнул. — А живёшь ты всегда в Яви, на родной земле — другого пока никто не придумал.

— А что будет после смерти со мной? Макошь ведь держит в руках нить моей судьбы?

— Вот когда ты исчезнешь из Яви, тогда и поговорим, — усмехнулся Род.

— А будущее моё? Что там впереди? — не могла угомониться Дана.

— А его ещё нет. Есть здесь и сейчас. Что ты создашь в Яви — то и будет.

Во что веришь — то и существует, — улыбнулся Создатель.

Силуэт его замерцал, становясь прозрачным. Последней исчезла мягкая, загадочная улыбка...

Эпилог

СПУСТЯ КАКИЕ-ТО ЛЕТ ПЯТЬСОТ...

Ведущий литературно-исторического школьного кружка посмотрел на стекающие по стеклу окна капли дождя, на серую пелену неба и решил, что пора заканчивать диспут о славянских богах...

— ...я считаю, что так называемые славянские божества — это метаморфы, — худощавый подросток поправил очки и тоже посмотрел в окно, за которым хлестал дождь. — Инопланетяне оставили их на планете как наблюдателей.

— Да, — поддержал его сидящий рядом полный мальчуган и тайком сунул в рот леденцовую конфету, — вон как они превращаются: то рыба, то дракон; то старые, то молодые; была птицей — стала человеком. Нам бы так!

— Может, они вообще, только у нас в голове, — выкрикнула девочка с косами, уложенными аккуратно короной на голове.

— Ты ещё скажи, что они живут среди нас, — конопатый мальчишка наставил на неё палец и закатил глаза. — Бу-у! Я — Кощей Бессмертный! Страшно?!

— Да нет их вообще! Никто их не видел, к просьбам они не прислушиваются, — высокий юноша тоскливо посмотрел на окно, — значит — не существуют. Сегодня финальный матч по футболу, а солнца нет. А мы так просили у Хорса

хороший день!.. Вот вам и доказательство.

— Ну, а ты, Дана? — учитель обратил своё внимание на девочку, сидящую возле окна. — Что-то наша спорщица примолкла. Ты тоже думаешь, что наши боги — морфы?

Девочка, смешно оттопырив нижнюю губу, подула на непослушную прядку волос, закрывающую глаз, и только потом ответила задумчиво, словно прислушиваясь к себе:

— Не всё ли равно, как их звали, были они или всё ещё здесь. Ведь главное — чтобы мир был в равновесии...

Она встала, подошла к окну, открыла его и потёрла ладошки.

Извилистая молния мелькнула среди туч, потом донёсся раскат грома. В класс с ветром ворвался свежий запах озона. Синие громады облаков разошлись, как по волшебству. И под весенним тёплым солнцем засверкали капли дождя на листочках ближней липы, вострепнулись и зазвенели на все голоса птички...

— Ну, вот, — улыбнулась Дана футболисту, — Значит, ты всё-таки верил, что боги существуют... и тебя слышали!..

Страшные сказки Тота Баюновича

Ольга Иванюк

Про Ивана-царевича

«В некотором царстве, в некотором государстве рос старый лес. На опушке того леса стояла избушка. Всё честь по чести — самоходная, самовзводная, да еще и функцией «умный дом» оснащенная.

Жила в той избушке старушка, звали её Баба Яга...»

— Так... Тот Баюнович, ты опять? — голос, раздавшийся над ухом, заставил дёрнуться перо.

— Ягушенька, ну нельзя же так пугать! — чёрный кот с белой манишкой прижал лапу к правой стороне груди. — Я же так инфаркт поймаю.

— А ты меньше всякую чушь пиши! — разгневанная женщина лет сорока, держала в руках полотенце, видно, только помыла руки. Перекинула полотенце через плечо, отчего кот прижал уши.

— Ну, как же чушь?! Как чушь? Это не чушь, это самая что ни на есть правдишная правда.

— Ну, ну! — женщина подвинула бумагу и перо—самописку. Достала миску с мукой и принялась заводить тесто.

— Ну, что ты нукаешь? Ведь у нас вон — есть лапы у избушки. Она у нас ходит? Ходит, — принялся загибать пальцы на лапе кот. — Сама двери открывает. Сама печь топит. Свет зажигает.

— Ну, тут ты не прав. Не сама, а с помощью заклинаний. В печи саламандра спит. Свет от светлячков.

— Да кому интересно, что ты закончила Академию Высшего колдунства с отличием! Думаешь людям простым оно надо?

— Тот... так ведь неправду же пишешь!

— Это не неправда, а художественный вымысел. Я, может, сказочником стать хочу, как пращуры мои. Вон тот же Кот Ученый или сам Баюн. Чем я хуже? А? — кот распушился, надулся и развернулся к женщине хвостом. — А ты всю музу мою своими словами разогнала. Где я её теперь искать буду?

— А где до этого брал? — тесто выходило пышное да нежное. Прикрыв его чистым полотенчиком, принялась убирать лишние ингредиенты.

— Где, где... В болоте у Кикиморы.

— Хм... А она мне ничего не передавала?..

— Ой!... Ягоды, вон в лукошке, да траву какую-то ещё сунула. Говорит, в пирогах хороша. Нет, чтобы мясо там или рыбку, — кот скривился.

Пока ведьма ходила за корзинкой, Тот продолжил корябать на листе продолжение.

«...Было она страшная во гневе. Очи её сверкали, от го-

лоса стены дрожали, а как что не по её, так брала она ступу да помело и вылетала на прищельцев, призывая кары небесные...»

— Тооот!!

— А, что? — кот спрятал бумагу за спину. — Я же ничего.

— Значит, так. Пока не покажешь мне свою писанину, не смей никому её показывать. Ты меня понял?

— Чой-то? Я свободный кот — где хочу, там пишу, с кем хочу, с тем и разговариваю!

— Останешься без сметаны!

— Оооо... жестокая! Как ты можешь? Как можешь???

— кот повесил голову, опустил хвост и поплёлся на улицу. Предварительно прихватил бумагу и перо. Уже с улицы до Ягини донеслось:

«И было у неё три помощника. День ясный да ночь темная, да кот из рода Баюнова. Пока Яга по делам летала, весь дом был под надежной охраной Кота. Вкруг дома стоял забор из леса нетёсаного, выше дома. На кольях висели черепа. Вечерами загорались огнем чародейским. Кот же был умница да красавец. Решил как-то раз кот завести себе человека обыкновенного. Договорился в селе с девицей-разумницей лет восьми, что будет она помогать чесать его хвост и пузико поглаживать, а ещё сметаны давать без меры...»

Аромат свежих пирогов отогнал музу. На подоконнике распахнутого окна появился противень с пирогами. Судя по запаху, там были не только ягодные, но и рыбные. В животе

у кота тут же заурчало.

— Ягушенька, звезда очей моих! Солнце моё ясное, а мне пирожочек, ну хоть один? Ну, пожалуйста, я же хороший. Честно-честно.

— Подлиза ты, Тотушка. Иди уже есть. Вон, тебе Уголек уже рыбку жарит.

Кот, он кот и есть, хоть и говорящий, а всё же против природы не попрёшь. Да и как не любить фамильяра семейного?! Покормив кота, Яга взяла корзинку, положила в неё несколько пирожков.

— Тот, ты — на хозяйстве, а я до Лешего, и к Кикиморе заскочу и вернусь. Справишься?

— Конечно, я же Самый лучший, — кот от важности надулся и облизал усы, на которых задержались остатки сметаны.

Ягиня, выкатив из-под крыльца ступу, взяла метлу и была такова.

— Так... на чем я там остановился... Ааа... Ага!

«Привёл кот девочку к избушке. Избушка к коту передом повернулась. Дверь открыла. В гости приглашает. Девочка зашла. В домике чисто, похлёбкой из травы пахнет. Накормила девочка кота, погладила, поиграла с ним. И домой собралась. Да только выйти-то — никак. Дверь не открывается. За окном уж темнеть начинает. Родители ругаться будут, если домой опоздает. Сидит, плачет. И кота нигде нет, он за подарком для своей человечки пошел. Выползает тут мышь

коварная да злая.

— Чего девонька слезы льешь?

— Да домой мне надо, а дверь не открывается.

— А ты смажь её маслом, да и пойдешь.

Девушка-дурочка так и сделала. Открылась дверь, и побежала девочка домой. Кот бежит, кричит: «Куда ты???» А она только быстрее бежит...»

— Фу... гадость получается! Что это я такой... — кот почесал в затылке.

Раздавшийся топот, заставил кота отложить перо. Наглая мужская рука заскребла по подоконнику, подбираясь к остаткам пирогов на окошке.

— ААААа..... то есть МЯУ!!! МЯУ!!! — кот подпрыгнул, запнулся об стол, упал пузом на подоконник и уронил пирожки с него.

— Ай... Ой... больно же! — мужской голос возопил после того, как раздался звук удара протвину о чью-то голову. Кот несмело выглянул вниз. Под окошком добрый молодец, лет так двадцати, собирал пирожки и складывал их за пазуху. Благо они уже остыли.

— А ну, брось пирожки! — Тот Баюнович грозно зашипел.

— Ага, ищи дурака! Они так на всю округу пахнут, а я тебе выброси, — ответил чужак, тут же откусывая от одного из пирожков сразу половину и принимаясь жевать.

— Ах ты, ворюга малолетняя!

— Не ворюга. Я, Иван—царевич, значит, всё, что есть в царстве — моё. И взять я могу всё, что угодно.

— Вот вернётся Баба Яга, ты ей и расскажешь, какой ты дурак — на пирожки с приворотным зельем позарился, — кот был доволен своей придумкой. Царевич подавился, закашлялся:

— Что значит «с приворотным зельем»?

— А то и значит — кого первым увидишь, того и полюбишь.

— Это я тебя что ли? Да ну нафиг... Ты же кот? — Иван с опаской смотрел на кота. — Или кошка?

— Да, кот я — Кот. Надо бы нам с тобой до Киры Борисовны сходить — антидот взять.

— Чего? Куда?

— Ну... Снять приворот надо. К Кикиморе идти надо, говорю.

— А-аа... Так бы сразу. А то — «антидот», Кира какая-то ещё... А она хоть красивая?

— Кто?

— Ну, эта, которая Кира? И имя у неё такое необычное, — царевич уже мысленно представлял себе неземную красавицу.

— Ага, ага. Пойдём, провожу.

— Ну, пойдём, — царевич, не сомневаясь, направился следом за котом, который довольный своей задумкой, бежал впереди и помахивал своим шикарным хвостом. Дело, прав-

да, уже было к вечеру.

— Дале еще? Я притомился. Мне бы почивать лечь.

— Вот дойдём, я тебя познакомлю, да там уж и сами.

«Дойдём» растянулось почти на два часа. То ли кот так водил, то ли царевич медлителен был. Ну, скажем так. Умудрялся ещё и пирожки доедать по дороге. Долго ли, коротко ли, пришли к болоту. Болото не болото, но вода была. А недалеко от бережка дом стоит. Добротный, из бревен тесовых сложенный. Окна нараспашку, из окна музыка играет — та, что недавно во дворце у бабушки слышал. И девичий голосок выводит:

За родные скалы, за леса и реки

Улетай, колдунья, улетай навеки.

За родные скалы, за леса и реки

Улетай, колдунья, улетай навеки!

И река шумела, и гудели скалы.

И тайга как будто с ними тосковала.

И во тьму клубами серебристой пыли

Ведьму молодую ветры уносили.

За родные скалы, за леса и реки

Улетай, колдунья, улетай навеки.

За родные скалы, за леса и реки

Улетай, колдунья, улетай навеки!

— Какой голос. Я такого голоса отродясь не слышал. Так, кот, я пошел. А ты тут стой.

Кот не успел ничего сказать, как дурной царевич рванул

к домику. Благо Тот вывел его на начало тропинки. Сделав буквально десяток шагов, тропинка сделала резкий поворот, выскальзывая из-под ног упитанного юноши.

— Кот! Кот! Помоги!

— А чем я тебе помогу, я же кот? У меня вон — лапки,
— Тот Баюнович развел лапы в сторону.

— Ну, хочешь, я женюсь на тебе?

— Ты ...это... свят, свят... я сам девушек люблю. А не это вот всё. Могу только позвать лягушку или вон до Кирочки сбегать. Потерпишь?

— Да куда я денусь! — царевичу ничего не оставалось, как, уцепившись за траву, пытаться удержаться. Кот побежал, петляя по болоту к дому.

Царевичу казалось, что он висит целый час. Болото под ним колыхалось и почавкивало. Он всматривался в сторону дома. Пытался ползти. Голос продолжал петь, потом замолк. Вечер плавно опускался на болото. Комары грызли со страшной силой.

Раздавшиеся шлепки по болоту, царевич воспринял чуть ли не с благодарностью. Его спасут, ведь он царевич. Он озолотит спасителя. Картавый голос произнес:

— Застрял бедолага?

Из царевича вырвался неприличный взвизг:

— Уйди, страшилище земноводное!

— Стой, дурак!!! Куда! Утопнешь! — кричало страшилище зеленомордое да зеленоволосое, обряженное в женский

застиранный сарафан, протягивая ему слегу. Подол сарафана был мокрым и грязным. Тоту едва удалось уговорить испуганного принца принять помощь.

Когда добрались до домика, вся компания была одинаково зелёно-черная. Тот брезгливо отряхивал лапы и хвост. Всё было мокрым, а потому его первым и мыли.

— Это почему ещё его первым? Я — Царевич!

— Ты дурак! — припечатала его зеленоволосая чудища.
— Из-за тебя Эксперимент придется повторять. Опять травы замешивать редкие, которые собирала целый месяц. Да что бы ты женился на лягушке!!!

Всё же искреннее пожелание, да еще и от ведьмы, всегда сбывается. Утром, едва царевич продрал глаза, перед его взором очутилась дева неземной красоты. Сама стройная, тонкая. Венец на голове. «Ну и пусть, что рот чуть великоват. Зато красавица какая!» — думал царевич, становясь на одно колено перед девушкой.

— Выходи за меня замуж. Я царевич этой страны — Иван.

Девушка засмушалась, опустила глазки долу и согласно кивнула. На радостях Иван схватил девушку и отправился во дворец. Тот Баюнович, Кира и Яга с интересом наблюдали, как царевич представлял царю батюшке свою ненаглядную.

— Как думаешь, Кирочка, у Ларочки хватит ума ещё немного помолчать до свадьбы хотя бы?

— Надеюсь, Ягуша, надеюсь. А то ведь как рот откроет, так ни одного слова приличного.

— Злые вы девки! — Тот Баюнович недовольно мотал хвостом, — На царевича засматриваетесь, а меня не кормите. Не гладите.

Веселый смех двух подружек да подсунутая миска сметаны были ему ответом.

Дух

«В некотором царстве, в неназываемом государстве жил-был дух. Станный он был. Формы нет, тела нет, да и сам он не знал, ни чей он, ни что ему надо...»

Чёрный кот с белой манишкой отложил перо. В доме было тепло — саламандра старалась. Ягуся снова улетела по делам академии колдунства. Ветер за окошком тоненько так посвистывал, словно просился в дом.

— Слушай, Уголек, куда бы нам отправить этого духа? А время? Не, ну про время просто. Время сделаем лето. Бродить по зиме — это просто бр-р. И лапы мёрзнут, и нос мёрзнет. Ещё и мышей нет.

Саламандра в печи довольно кивала и потрескивала. Ей сегодня перепало дубовое полешко: вкусное, нежное, от него и жара больше, и запах приятный. Вишнёвые, конечно, вкуснее, но быстрее заканчиваются. А тут на полдня радости.

Кот, между тем, принялся снова за перо-самописку, сочиня историю дальше.

«Летал дух, летал. Налет... Набрёл...»

— Не, ну вот как сказать, что он встретил кого-то? Налетел? Набрёл? А... так долетел, ага. Значит, вычёркиваем, — почёркал в листе бумаги и продолжил: «Встретил он в странствиях странную компанию. Люди в ней спокойно соседствовали с нелюдями. А так как дело под вечер было, то

устроились все возле костра. Видимо, только ужинать закончили. На костре...»

Раздавшийся треск из печки, отвлек кота от сочинительства.

— Что? — кот прислушался. Саламандра забежала по печке и затрещала. — Аа... Ну да, лето ведь. Сейчас напишу, какие там дрова были.

После чего перо снова заскользило, продолжая свою работу:

«...на костре из берёзовых да ольховых полешков кипел травяной взвар. Вот на аромат его и прилетел дух...»

Раздавшийся стук в дверь прервал написание истории. Кот недовольно отложил перо.

— Кого там Леший принес?

— Леший спит, так-то ты меня Тот встречаешь? Двери открывай!

Кот всплеснул лапами, рванул к двери и раскрыл её.

— Кирочка, душа моя! Ты чего не сказала, что придёшь?

— Ой, Тот! — вошедшая женщина занесла корзину, опустила на пол и уселась на лавку. — Ягуся просила тебе рыбки принести, а то сама она поздно будет. Да и нынче концерт Василисы. Будем вместе по блюдечку смотреть.

Пока сидела, принялась раздеваться. Скинула плат, открывая зелёную косу до пояса.

— Кирюся, а ты так и не?... — кот рассматривал косу, — чего же ты такого намудрила с маской той?

— Так и не получилось узнать. Все травы правильные, для крепости, для шелковистости, для длины. А поди ж ты, что учудили! Кажется, буду ходить зелёной. Прямо в цвет болот да прибрежных трав озёрных.

— А ты Ягусю просила? — не унимался кот.

— А как же, — женщина принялась за разбор принесённого, — и в академию состав посылала, и в нашу, и в соседнюю. Всё верно. Всё работает. Только на мне — так... А ты опять сочиняешь?

— А как же, звезда болот моих. Я же сказителем быть хочу. Вот и приключаю разных персонажей.

— Кого в этот раз? — кикимора разобрала припасы, достала налима и принялась его нарезать кусочками, — В сметане сделаем?

— М-мр-р-мяу, — кот облизнулся и закивал. — Да духа тут без формы выдумал. Вот пусть он и ищет свою форму. Заодно и узнаем, что в государстве соседнем творится.

— А почему не в нашем?

— Так у нас зима, — развёл кот лапами.

— Ты пиши, а я пока рыбку поставлю.

Кот уселся обратно за стол и принялся задумчиво жевать перо.

— Вот скажи, Кирочка, почему, когда в доме так вкусно пахнет рыбкой, — вся муза убегает? — кот принялся к ароматам и спрятал свою писанину в сундук.

— Может, потому что ты лентяй? — кикимора накрывала

на стол, расставляя посуду.

— Я не лентяй, я вон пишу даже иногда! — кот надулся и зафыркал.

— Ну как же? Вон уже и на лавку неходишь, скоро падать с неё будешь. А всё почему? Потому что дома сидишь. Даже мышей не ловишь.

— Кирюса, трясина музыки моей! Ну, как не ловлю?.. Так нет ведь их. Всех повывел.

— Прямо ты?

— А что прямо? Я! Сам лично раскладывал амулеты от грызунов.

— Ох и насмешил! — рассмеялась женщина. — А кто их изготовил?

— Ну, Ягуся. Так у меня же лапки... — кот печально вздохнул и показал их кикиморе.

— Вот, вот. А ты чего дальше придумал? Про духа своего?

— Я думаю, что в той компании есть ведьма. Ну, не может не быть, а еще богатырь — пусть даже плохонький.

— А куда идут-то они?

— Да к нам и идут. Просто у них там — Академии колдунства нет. А Ягуся, сама знаешь, кому только ни раздавала клубки-навигаторы. Вот и топают.

— А зачем?

— Эээ... — кот почесал за ухом, — этого я ещё не придумал. Вот поем и придумаю.

Кикимора поставила тарелку с самым большим куском

рыбы перед Тотом, погладила его по голове.

— Ешь уже, фантазёр. Главное, чтобы Ягуся помочь могла.

«Долго ли, коротко ли, добрались путешественники до деревни одной. Дома в ней низкие, огороды хилые, скотина — и та худая.

Ведьма та глянула на такое дело и говорит:

— Не чисто здесь. Надо искать, кто напакостил.

Богатырь вызвался идти спрашивать: что? да где? да как?.. Отправился и дух с ним. Пока богатырь со старушкой общался да о ночлеге договаривался, дух все углы облазил в доме. И в подпол заглянул, и на чердаке был. Вроде, всё в порядке.

Приютила странников та самая старушка.

Наступила ночь. Затрещали избы, зашатались печи. Да и бабка сама криком закричала.

Вскочили путники, глядь, а ночуют они во дворце белокаменном. Выходит к ним девица-юница, за собой зовёт. Делать нечего. Собрались, пошли. Доводит она их до другого дворца, а там... народу и нечисти видимо-невидимо. Все весёлые, все довольные — пьют, закусывают. Некоторые и в фонтане умываются.

Увидала то ведьма, строго-настрого запретила своим

спутникам есть-пить, а к воде — так и не прикасаться даже.

Довела их юница до кресла резного, кресла резного да непростого. В том кресле мужчина сидел да на всех глядел. Кто как гуляет, кто его привечает.

— Ты кого к нам привела? — поинтересовался он.

— Вот господин, — поклонилась девушка, — путники. Ягу ищут.

Пристально рассматривал хозяин гостей. Потом обвел рукой зал и говорит:

— Мы гостям любым рады. Проходите, веселитесь. Будьте как дома.

Путникам и деваться некуда — пошли делать вид, что веселятся. Вроде как со всеми. В одной руке кубок, в другой пирожок. А запах-то какой от всего этого стоит.. М-мм... Так бы и съел... Да ведьма приглядывает, чтобы кто чего не выпил да не съел.

Прогуляли так до утра, с музыкой да танцами. Только показался краешек солнца, как девица-юница опять подошла да домой их увела. Привела домой, от усталости все и попадали на места, что им выделили. Шутка ли — всю ночь танцевать да петь, да нюхать вкусности и не есть?...»

Корябал Баюнович под мерцание светляков. Ягуся и Кира, насмотревшись концерт от Василисы, обсуждали дела академии. Ночь вступала в свои права.

Спать бы надо ложиться, да не спится коту. Вроде и улёгся, а всё быстрее хочется узнать, чем же там дело кончилось.

Вертелся на печи, вертелся. Спрыгнул, схватил пару светлячков, бумагу с пером и подался в баню к баннику.

Василич, банник справный. Баньку в чистоте да тепле держит всегда. Зная Ягу и случайных гостей, был наготове и, когда Тот пробрался в предбанник, поинтересовался:

— А ты чего не спишь? Ты же у нас засоня знатный.

— Да я тут быльку сочинять вздумал. Вот она мне покоя и не дает. А там только-только до самого интересного добрался.

— А-а-аа... Опять ты со своей писаниной.

— А что? Я вон самый первый узнал, что к нам гость заморский прилетит к Горыням. Да и тебе на пользу. Вон какую новую баню для тебя поставили.

— Тут да. Тут не поспоришь. Дай почитать, чего накорябал.

— Держи. Ток не мешай.

Перо самописка быстро-быстро застрочило по бумаге:

«...Утром наши путешественники увидели, что всё опять превратилось в старое да ржавое. Нечисти-то без вреда было и выпить да закусить на празднике. А вот людям — это дело было зело опасным. Сколько ни расспрашивали ведьма и богатырь про ночь, все только и говорили, что сон дивный видели, как молоды были.

Вышли за околицу, а там поле маковое. Поле маковое, безбрежное. Тут и смекнула ведьма, где были и что за мужик на празднике был. Только ахнула.

— Ты чего? — богатырь и дух усталились на ведьму.

— Вы это видите? — тыкала она пальцем в поле.

— Ну, поле. Ну, маковое. Что с того? — пожал плечами богатырь.

— Ох и бестолочи мы!.. К самому Кощею на пир попали. Хорошо ноги унесли! Никто ничего с собой не брал из дворца?

Все заотнекивались. Дескать, никто ничего. Дух промолчал. Он же вроде как невидимый, так что ничего ему не будет.

— А если что взяли, то что будет? — поинтересовался он всё же.

— А будет вот что! — и показала ведьма кучку грязи в салфетке завязанной. Она на балу пирожок ею держала.

Пока суть да дело, за разговором и шли по полю. Потихоньку маковое поле начало меняться на васильковое да пшеничное. Потом и вовсе на нет сошло, когда до леса к вечеру добрались. Только в лес вошли, оглянулись, а позади... Трясина топкая. Тучи мошкары реют над окошками водными. Только слышно, как болотник вздыхает...»

Кот вытер лоб. Вроде бы тепло, но отчего-то казалось — пробирает холодок по шкуре. Да быть того не может!..

— Василич, ты чего плохо топишь? Я аж замерз.

— Про что пишешь? Опять про богов поди?

— Ну, есть маленько, — Тот задумчиво погладил себе ухо.

— А про кого?

— Кощей... — только сказал Тот — и в бане шайка раскололась, пар испуганно рванул к потолку.

— Сгинь, паскудник! Я же баню не протоплю... — замахнулся Василич на кота банным веником.

— Сам спросил! — выкрикнул Тот, схватил бумаги и рванул в дом.

Поближе к Яге с Кирой, да саламандре в печи.

С утра Ягуся с Кирой по делам убежали, кот дома остался. Ночь-то выдалась не простой, да и во сне Кощей приходил, пальцем грозил... Просил вернуть пропажу. Кто бы ещё знал, что пропало. Поев лениво рыбки, с явной неохотой, кот задумался... А куда собственно Яга-то полетела?

Взял в руки перо и застрочил по бумаге: «Катится клубочек, не кончается. Когда бегут, а где и бредут за ним путешественники. А вокруг всё холоднее да сумрачнее становится. Вышли-то они из лета тёплого, а уж зима им мерещится. Куда же их клубочек-то приведет?

На одном из привалов и спросил дух попутчиков.

— А куда вы так торопитесь-то? Вам ли не все равно?

— Мне, — помешивая взвар в котле, отозвалась ведьма, — не все равно. Говорят, Яга самый лучший преподаватель по ведовству.

Богатырь почесал в затылке, потом ответил:

— А мне, просто интересно, как это там — не у нас?

— А мне дедуля сказал, что есть в соседнем царстве ябло-

ня с золотыми яблочками, хочу посмотреть — добавил малой лесовичок.

— Зачем тебе? — удивился дух.— Свою бы вырастил — и всё.

— Ну, когда образец есть — своё сделать проще. А если б ещё и с тамошним лешим поговорить... — лесовичок аж зажмурился от удовольствия, — а вдруг в подручные возьмет?! Это же прям... вершина искусства, как дед говорил.

— А чего с дедом не остался?

Лесовичок махнул рукой:

— Ну, его!.. То не делай, то не трогай...

Пока приключенцы ели-пили, по небу пронеслась ступа. Пронестись-то пронеслась, да что-то, видимо, не рассчитала Яга, врезалась в дерево — только шум по лесу пошел.

— Яга!... Разбилась!!! — ахнули путники и рванули к дереву, бросив все пожитки на месте.

Пока добежали, видят: ходит Яга сердитая, листочки бумажные собирает, ворчит себе под нос:

— Больше никогда не буду писанину студенческую на лету проверять.

Услышав шум, обернулась.

— Яга, матушка!.. Цела?!

Яга рассмеялась:

— Какая я вам матушка?! За беспокойство — спасибо. Цела, — прищелкнув пальцами, выровняла ступу, собрала оставшиеся бумаги. — Вам помощь требуется?

Тут на неё и вывалили все свои беды, и про приключения в деревне Кощеевой рассказали. Дух хотел было затихариться, да Яга не дала.

— А ты что, Сват Наум, так и будешь молчать?

— Это вы мне?

— Тебе, тебе. Хватит невидимкой быть! Тебя уже один раз наказали, за клептоманию...

— За что? — удивился дух.

— За воровство. Сознаться, что опять утащил?

Дух сначала хотел отнекаться, а потом вывернул, что называется, карманы. Чего там только ни было! И монетки мелкие, и ягодки сухие, и пуговицы разные, а ещё зеркальце — вроде как женское на длинной ручке.

— Эх... Сват, Сват... Ничего тебя не учит. Ну-ка, посмотри в зеркальце! — голос Яги был строг.

Пришлось делать, что говорят. В зеркале сначала ничего не отражалось, кроме неба, потом показалось лицо молодого мужчины, немного напуганного, чуть худоватого.

— Это кто? — спросил дух. — Я?

— Ты, ты, — закивала Яга и все вокруг, узрев, наконец, духа. — Это тебе наказание было, за ловкачество. Одна польза от тебя. Не знаю, где уж ты его украл, но это зеркальце Кощеево. Вернуть надо бы.

Дух покраснел...»

Кот отложил перо, потянулся:

— До чего хорошо! Правда, Уголек? — вскочил на лавку,

ещё и выгнулся, распушил хвост.

После, как всякий приличный кот, сделал несколько кругов тыгыдыка по кухне. Набегавшись заявил;

— А я всё переживал, что Кощей, чего удумает... А у него, оказывается, зеркало волшебное сперли.

Кот чинно уселся за стол и продолжил:

«Получив инструкции от Яги, путешественники продолжили путь. Их путь лежал уже по хоженным дорогам, а не так, как клубочек вел, — по короткой. Вскоре вышли к городу, где и распалась компания. Лесовичка же Ягинюшка сразу с собой забрала в академию. Ведьме было назначено по весне прийти, на собеседование. Бывший дух пристроился торговцем к купцу. Тут и сказочке конец. Кто читал — тот молодец!»

— Ф-фух... Ура-аа! Я молодец! — Тот сложил всю стопку листов в сундук. Забрался на печку, свернулся клубком и тихо запел, что-то себе под нос.

Примечание: стихи <https://pesni.guru> (Черемша ведьма)

Макоши каменная фигурка

Ольга Семенюк

А ведь как всё хорошо начиналось! Лето, поход на пару дней и ночей. Место замечательное. Она была там не однажды. Но ни разу ночевать не доводилось.

А тут... Приехали, палатки поставили. Устроились. Полдня вчера по местности лазили, все легенды вспомнили. Вечером у костра посидели под звёздным небом. «Милая моя, солнышко лесное» пели.

Андрей так хорошо на гитаре играет, оказывается. И столько песен знает! Как пел вчера, паразит!..

Сейчас как заяц по тропе скачет. Первым бежит. Даже не оглянулся ни разу. Неважно, успевают люди за ним или нет. Главное, он успевает. И гитару свою не забыл. На спине у него болтается, в чехол упакованная.

Ладно, каким бы засранцем не был, людей уводит — уже хорошо. Должны они выбраться из этого дерьма.

Откуда эти, с гор, взялись? Припёрлись с утра пораньше. Девочки им понравились. Шли бы... К своим девочкам, да наших не трогали. Так ведь нет. За подмогой сходили. Черти чумазные!

И как она их учуяла издалека? Хотя, кровью вдруг так резко и сильно запахло, что кофе пить уже не получилось, едва

наизнанку не вывернуло. Пришлось уходить. Резво и быстро.

Только вот резво у неё не получалось. Сердечко было категорически против. И менять свою позицию в данном вопросе не собиралось.

Так что она останется здесь. Прикроет уходящих. Странно это звучало. Вроде не война, но...

— Нет, Георгий, это ты не понял! На меня посмотри, да! Габариты видишь? Добавь к ним сердце больное. Я не могу быстро передвигаться и буду вас всех только задерживать. Причем сильно. Так что оставь мне винтовку, патроны и не бурчи. Я вышивающая, так что глазомер развит, не промахнусь. Здесь место удобное, задержу на сколько смогу. Гранату только оставь. Хотя бы одну. Не хочется мне им живой доставаться.

— Ты по живым-то стреляла когда-нибудь, вышивающая?
— вздохнув отозвался Георгий.

— Да я и по мишеням в тире мало стреляла, правда метко. Но с вами уходит моя дочь, а вот её я в обиду не дам. Так что... Придётся учиться быстро, — вздохнула она и продолжила, взглянув в расширившиеся от ужаса глаза дочери:

— Так, ребёнок, не надо шрековских глазок. Соберись. Тебе жить дальше. Давай я обниму тебя напослед, и уходите. Нос выше, я не для того остаюсь, чтоб ты всю оставшуюся жизнь проревела. И помни главное: я очень тебя люблю. Очень. И хочу, чтоб ты внукам обо мне рассказывала. Чтоб были! Это своё «чалдфри» сама знаешь куда засунь. Гера,

всё, уводи её. Нет времени. И береги мою дочь. Помни, тёща — ведьма, если что — и с того света достанет!

Она покрепче обняла дочь, чмокнула в макушку, вдыхая в последний раз такой родной запах, выдохнула и отстранилась.

— Всё, пора. Лихом только не поминайте, — проговорила, толкая дочь в сторону тропы и закусывая губу. Главное, сейчас не разреветься.

Гера проворно ухватил девчонку за руку и потащил за собой. Та, от слез не видя ничего перед собой, спотыкаясь, пошла за ним.

Отряд, если так можно назвать кучку растерянных и перепуганных людей, уходил вверх по склону, за перевал.

— Винтовку держи, — проговорил Георгий, — патронов десятка два, один магазин, больше нет. Если мазать не будешь, может и хватит. Гранаты. РГД. Пара. В принципе чечку достаточно с одной выдернуть, вторая сдетонирует. Тебе хватит. Только к себе прижми и... Опаньки, а это что?

Бывший спецназовец резко повернул голову к тропе и замер, прислушиваясь. Там кто-то шёл. Те, от кого они бежали, шли нагло и громко, не скрываясь, большой толпой. Словно стая шакаля, преследующая жертву.

Этот шёл осторожно, словно скользил невесомой тенью над тропой. Только пара камушков, скользнувшая из-под ноги, и выдала движение. Так, на его памяти, мог передвигаться только...

— Ветер?

— Так точно, Георгий Иванович, он самый. Отправлен вам в помощь, — и он, улыбающийся, материализовался прямо перед ним.

— Георгием Ивановичем меня потом кликать будешь. Сейчас новости выкладывай. Ты откуда взялся?

— Вас прикрыть прислали. Этим любвеобильным людям с гор сейчас всё объяснят. Они вас в покое оставят. К себе уйдут. Радостно и быстро. Ваши пусть уходят. Они тут лишними будут. Вы совсем других персон заинтересовали. Те не успокоятся. И про вас не забудут, пока своё не получат.

— И что им от нас надо? — Георгий, был сосредоточен и холоден. Аж льдом от него потянуло.

— Кто вчера камушек занятный нашёл?

— Тот, из ямки? — Ольга вспомнила, как перед ней вдруг неожиданно открылась ниша. Камень в сторону ушёл, словно дверца шкафа. Видимо, она на что-то нажала, случайно запустив механизм. А в открывшейся нише нашлась странная фигурка из полупрозрачного камня. В виде женщины, державшей в руках клубок пряжи и веретено.

Потому Ольга определила её как Макошь. Древнеславянскую Богиню, что ткала судьбы человеческие. Да и не только человеческие. «Будет как Макошь завязала» — вдруг всплыла в памяти фраза.

— Они не остановятся. Им эта фигурка нужна. Во что бы то ни стало. Где она?

— В лагере осталась. Убегать быстро пришлось. Всё бросили, — она буквально увидела фигурку, лежащую в спальнике и ждущую её.

— Значит возвращаемся. Нельзя, чтоб она этим досталась.

— Кому этим? — уточнил Георгий.

— Потом всё расскажу. И кто меня сюда послал, и кто это «эти». Некогда сейчас. Можем не успеть.

Ольга вздохнула. Опять бежать. Хорошо, хоть под горку. Хотя...

— Может, я вас здесь подожду? Без меня быстрее дойдёте.

— Нельзя. Дойдём может и быстрее, но фигурка только тебе откроется. Да и одну тебя здесь быстро найдут. И убедят помочь. Поверь на слово, они умеют быть очень убедительными. За дочь не пугайся — им помогут, — Ветер задумчиво прислушался и довольно кивнул. — Уже помогают. Идём. Ответы потом будут.

Под горку бежалось веселее. Дети гор, и правда, растворились в лесу, будто и не было их.

А в лагере царил разгром. Вот что значит, быстро собирались ноги уносить. Ольга дошла до своей палатки, забралась внутрь и с облегчением плюхнулась на спальник. А вот и фигурка — туточки! На месте лежит.словно её ждёт.

— Не расслабляйся! — Ветер усмехнулся, — нам торопиться надо. До заимки дойдём, будем отдыхать и пирогами бабы Таи угощаться.

— Жива старушка?! — Георгий приподнял брови. — Дай бог памяти, ей тогда уже за восьмой десяток перевалило. А годков двадцать с тех пор уже прошло! Неужто жива?

— Да она нас с тобой переживёт! Не только жива, но бодра и весела по прежнему: всё также с домовым ругается, когда сметанкой балует, а нас — пирогами. Со снытью сегодня особенно хороши были! — Ветер улыбнулся вкусным воспоминаниям, — Ольга, нашли?

— Нашла, — она вздохнула, понимая, что её опять ждёт беготня по горам, и протянула руку за полупрозрачным камушком. Ладонь коснулась прохладной поверхности...

— Ну, наконец-то, явилась — не запылилась! — проговорил кто-то старческим скрипучим голосом.

— Где я? — ошалелая Ольга увидела себя посреди... старенькой избушки. Такой, древней да сказочной, что ей только курьих ножек не хватает.

— Ну почему не хватает? — проговорил чёрный кот. — Очень даже хватает. Даже пара запасных есть. Ещё лопата есть — непослушных детей в печку сажать. И ступа с метлой в наличии. В соседнюю деревушку за самогонкой гонять. А вот вайфая нету. Тут звиняйте. Ну не современные мы.

У женщины подкосились ноги, и она рухнула на заботливо подставленную бабой Таей табуретку.

Старушка замахнулась на кота полотенцем:

— Кыш, отседова, супостат чумазый!

— И ничего я не чумазый! Сами в своей баньке парьтесь.

Я лучше по старинке, самостоятельно, язычком, — кот обиженно дернул кончиком хвоста и гордо удалился за печку. Видимо, мыться по старинке. Язычком.

Ольга проводила его взглядом и посмотрела на бабу Тая. Ей, Ольге, нужны пояснения. Где она? Кто она?.. Хотя, ответ на последний вопрос она точно знает... Или не точно?

— Это все вопросы? — баба Тая смотрела строго и очень внимательно.

— Нет, не все. Ещё: кто такой Ветер, чего я не знаю про Георгия, кто вы, почему кот разговаривает, что за фигурка, как я здесь оказалась?..

— Стоп, стоп, стоп! Ишь, затараторила! — бабушка замала на неё руками. — Раз вопросов так много, начнём по старинке...

— Что «по старинке»? — Ольга невольно представила себя вылизывающейся языком.

Баба Тая улыбнулась и махнула на неё рукой:

— Уморила! Нет, мы с баньки начнём. Чай не кошки — языком-то мыться. А дорожную грязь с тебя смыть надо. После баньки почаёвничаем. А там, глядишь и мужички наши подтянутся. Тогда и поговорим.

Раньше-то как было? Наверняка, по сказкам, что мамка али папка тебе читали, помнишь: сперва добра молодца в баньке попарь, накорми, напои, а потом и спрашивай. Ты у нас хоть и не добрый молодец, но в баньке попарить надобно. Пошли, — баба Тая повела Ольгу в баньку.

— Да, фигурку здесь можешь оставить. В мой дом чужим не зайти, охранники у меня знатные, — добавила на ходу и пошла к двери.

После баньки и чая с пирогами баба Тая взяла в руки фигурку, дотошно осмотрела её со всех сторон и проговорила:

— Сколько веков не видела потеряшку, а она не изменилась ничуть... Ну, здравствуй, матушка Макоша.

— Макоша? Я думала, её Макошью называют, — задумчиво проговорила Ольга. — А в смысле — несколько веков?

— Да как только её сердешную не называют: Макошь, Макешь, Мокошь, Мокуша, Макуша. Богиня судьбы, ворожбы, ткачества и прочих ремесел женских. Небесная пряжа. В её руках нити судеб были и людей, и Богов. Родилась она из Ирийских вод, что пролились дождём на землю. Все воды мира подвластны ей — от океанов до родничка малого. Поэтому и подарочки ей оставляли у колодцев, коли речушки али озерца рядом не было. А после того как силком окрестили Русь православную, Параскевой пятницей кликать стали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.